

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний. (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, епископом Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 3. С. 493–531 (2-я пагин.). (Начало.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

Лѣтомъ 1900 года, пользуясь каникулярнымъ временемъ, преосвященный Арсеній, Ректоръ нашей академіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ профессоровъ и студентовъ ея, совершилъ путешествіе на Востокъ—въ Палестину и на Афонъ. Инициаторомъ и организаторомъ этого путешествія былъ самъ преосвященный Ректоръ, уже ранѣе, еще студентомъ Кіевской академіи, побывавшій на Афонѣ два раза (въ 1883 и въ 1884 годахъ и издавшій „Дневникъ студента-паломника на Афонъ“). Делѣя съ тѣхъ поръ мысль о путешествіи въ Палестину, которой онъ тогда не посѣтилъ по нѣкоторымъ, независѣвшимъ отъ него, обстоятельствамъ, и главнымъ образомъ вслѣдствіе долговременныхъ карантинныхъ, Преосвященный только теперь нашелъ удобнымъ и возможнымъ осуществить ее. Причемъ преосвященному Ректору желательно было привлечь къ участию въ этомъ религіозно-образовательномъ путешествіи профессоровъ и студентовъ, устроить первую „академическую“ паломническую поѣздку ко святымъ мѣстамъ Востока. И дѣйствительно, на эту мысль Преосвященнаго, высказанную имъ еще лѣтомъ 1899 года, сочувственно отозвалось нѣсколько профессоровъ, и вопросъ о поѣздкѣ въ Палестину сталъ обсуждаться среди профессорской корпораціи. Сначала охотниковъ находилось много, но по мѣрѣ того, какъ вопросъ о путешествіи съ теоретической почвы переходилъ на практическую и когда наконецъ, въ

началѣ 1900 года, онъ рѣшенъ былъ окончательно, то только трое профессоровъ рѣшились ѣхать. Это были: самъ инициаторъ поѣздки преосв. Арсеній, профессора Н. Θ. Каптеревъ и В. Н. Мышцынъ. Къ нимъ присоединился помощникъ инспектора академіи іеромонахъ Анастасій. Преосв. Арсеній желалъ посѣтить Палестину не только какъ поклонникъ св. мѣсть, но и какъ преподаватель Библейской исторіи,—знакомство съ Палестиной было для него важно и съ чисто-научной стороны. Тоже нужно сказать и о В. Н. М—нѣ. Какъ преподаватель въ академіи Св. Писанія В. Завѣта, онъ желалъ осмотрѣть тѣ мѣста, на которыхъ совершались библейскія событія, тѣ памятники въ Палестинѣ, какіе въ ней оставила библейская старина. Кромѣ того, онъ имѣлъ особое порученіе отъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода — составить опись бібліотеки и музея бывшаго начальника Іерусалимской миссіи архимандрита Антонина, завѣщавшаго бібліотеку Св. Синоду, а музей—миссіи. Что касается Н. Θ. К—ва, то онъ былъ заинтересованъ поѣздкой и потому, что ранѣе спеціально изучалъ какъ вообще сношенія Россіи съ православнымъ Востокомъ, такъ и въ частности—исторію сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ,—почему личное живое знакомство съ православнымъ Востокомъ имѣло для него особое значеніе. О. Анастасій стремился посѣтить св. мѣста православнаго Востока главнымъ образомъ для удовлетворенія своего горячаго религіознаго чувства.

Когда къ концу учебнаго академическаго года задуманная поѣздка разрѣшена была преосвященнѣйшимъ Московскимъ митрополитомъ Владиміромъ и затѣмъ Св. Синодомъ данъ отпускъ Преосвященному на два съ половиною мѣсяца, съ 1-го іюня по 15-е августа, тогда къ участію въ паломничествѣ приглашены были и мы—студенты академіи. Желавшихъ между нами сначала оказалось очень много, но потомъ нѣкоторые стали очень скоро отказываться. Однихъ пугала дальность и трудность пути; другихъ—непосильные для студента расходы на далекое и долговременное путешествіе; третьи отказались отъ поѣздки послѣ того, какъ изъ газетъ узнали, что Портъ-Саидъ, Александрія, а потомъ и Смирна, объявлены по чумѣ неблагополучными. Такъ что окончательно рѣшилось ѣхать только десять студентовъ: 4-го курса (кон-

Академическая группа паломниковъ.

чившіе курсъ)—П. Ив. Богуславскій, П. М. Мининъ, Н. Е. Румянцевъ, А. Матв. Смирновъ, В. П. Шипулинъ; 3-го курса: М. В. Войцѣховичъ, М. Ив. Сѣнцовъ, А. И. Никольскій, С. Гр. Колмаковъ и 2-го курса—Абу-Русъ, арабъ, уроженецъ Бейрута. Затѣмъ, подъ руководствомъ Преосвященнаго, былъ выработанъ предварительный маршрутъ путешествія, согласно которому главною и конечною цѣлью путешествія ставилась Палестина, при чемъ не только Іудея, но и Галилея. Кромѣ того, въ зависимости отъ росписанія параконныхъ рейсовъ, предполагалось побывать въ Константинополѣ, на св. горѣ Аѳонской, въ портовыхъ городахъ Малой Азіи: Смирнѣ, Бейрутѣ, Триполи и,—если позволить время и средства,—посѣтить Египеть, Грецію и Римъ. Само собою разумѣется, что собиравшіеся отправиться на Востокъ задолго начали готовиться къ путешествію и съ терпѣніемъ дожидались конца экзаменовъ, послѣ которыхъ предполагалось отправиться изъ Россіи. У многихъ, кажется, только и было разговору, что про путешествіе; сходились два-три путешественника, и разговорамъ не было конца: мечтали, строили планы, читали путеводители и другія книги, относящіяся къ путешествію. Когда вѣсть о путешествіи проникла за стѣны академіи, и когда появились замѣтки о немъ въ газетахъ, многіе посторонніе (духовные и міряне разныхъ классовъ, званій и состояній) выражали желаніе присоединиться къ нашей компаніи и обращались, письменно и лично, съ просьбою объ этомъ къ преосвященному Ректору. Но въ виду спеціальной цѣли нашей миссіи, Преосвященный вынужденъ былъ отказывать многимъ изъ желавшихъ сопутствовать намъ и позволилъ присоединиться къ нашей академической группѣ паломниковъ только тѣмъ, кто могъ быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезенъ для цѣли путешествія. Такъ, разрѣшеніе присоединиться къ нашей группѣ получили іеромонахи Троицкой Лавры: Гедeonъ и Смарагдъ, архидіаконъ Дмитріянь, Новгородскій епархіальный миссіонеръ іеромонахъ Варсонофій, лично извѣстный преосвященному Ректору, и докторъ медицины, приватъ—доцентъ Московскаго университета, В. К. Недзвѣдкій, обѣщавшій помогать паломникамъ въ случаѣ болѣзни во время пути. Для необходимыхъ въ пути услугъ былъ взятъ академическій служитель Михаилъ Селезневъ, уже ранѣе бывавшій въ Палестинѣ. Впослѣд-

ствіи, когда мы оставили Аѳонъ и направлялись въ Яффу, въ Дарданелахъ къ нашей компаніи присоединились еще двое: Петербургскій протоіерей Н. Вишняковъ и его сынъ преподаватель Петербургской семинаріи С. Н. Вишняковъ, путешествовавшіе за тѣмъ все время вмѣстѣ съ нами.

Такимъ образомъ составила у насъ довольно многочисленная и разнообразная по своему характеру группа паломниковъ. Главой своей она имѣла іерарха русской Церкви,— что должно было всюду на Востокъ придать ей особое исключительное значеніе, такъ какъ со времени существованія Св. Земли, и то въ теченіи настоящаго столѣтія, кажется только три русскихъ іерарха посѣтили св. мѣста ¹⁾. Поэтому паломникъ—русскій архіерей необходимо долженъ былъ всюду на православномъ Востокъ привлечь на себя особое вниманіе (что и случилось, какъ увидимъ, въ дѣйствительности), тѣмъ болѣе, что онъ былъ главою и представителемъ одного изъ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Рядомъ съ Пресвященнымъ стояли два нашихъ профессора, ради своихъ специальныхъ занятій уже ранѣе теоретически-научно хорошо знакомые съ православнымъ Востокомъ, — они естественно вносили въ наше паломническое общество ученую струю, ученый интересъ, столь дорогой и близкій и всѣмъ намъ—учащейся молодежи. За профессорами слѣдовали ихъ ученики: или еще учащаяся, или уже отучившаяся въ этомъ году молодежь, живая и подвижная, всѣмъ крайне интересовавшаяся, желавшая все видѣть, знать, наблюдать, напряженно желавшая испытать всѣ прелести далекаго пути, со всѣмъ разнообразіемъ новыхъ, небывалыхъ для нея впечатлѣній. Рядомъ съ нами стояло четверо іеромонаховъ и одинъ архидіаконъ, что давало намъ возможность на Востокъ только наличными своими силами совершать всюду чисто русское богослуженіе, чѣмъ мы, какъ увидимъ, вполне и воспользовались въ Палестинѣ, благодаря высокой любезности къ намъ Іерусалимскаго патріарха Даміана, предоставившаго намъ относительно отправленія церковныхъ службъ

¹⁾ Пресв. Александръ, бывший епископомъ Полтавскимъ, въ 60 хъ годахъ, пресв. Модестъ, нынѣ архіеп. Волынской, въ бытность въ 1884 г. еп. Люблинскимъ, и Кириллъ Наумовъ, бывший въ 60-хъ годахъ начальникомъ Іерусалимской миссіи въ санѣ епископа.—извѣстный своею печальною судьбою...

въ св. мѣстахъ полную свободу. Вообще трудно было удачнѣе подобрать составъ паломниковъ. Тутъ были представители чуть-ли не всѣхъ положеній: владыка и послушникъ, докторъ богословія и докторъ медицины, монахъ и священникъ, миссіонеръ и немиссіонеръ, просвѣщенные люди и люди простые, некнижные, чтецы и пѣвцы. У насъ былъ свой фотографическій аппаратъ для сниманія всего выдающагося и достойнаго вниманія. Словомъ, въ нашемъ паломническомъ кружкѣ все было предусмотрено, чтобы путешествіе наше было благопріятнымъ. И дѣйствительно, это путешествіе неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ нашей душѣ: по научно-образовательному значенію его для насъ, по обилію новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, по священнымъ чувствованіямъ, испытаннымъ нами отъ поклоненія Гробу Господню, молитвамъ на Голгоѣѣ и въ другихъ святыхъ и освященныхъ мѣстахъ Палестины.

Описаніе этого путешествія предлагается здѣсь, причемъ безъ всякой претензіи на научный характеръ его, хотя и эта сторона путешествія не чужда была намъ. Наше описаніе будетъ воспроизведеніемъ пережитаго и пережитоваго нами въ нашемъ единодушномъ паломническомъ кружкѣ. Если же оно возбудитъ хотя нѣкоторую долю подобныхъ чувствованій и у нашихъ читателей, — тогда цѣль наша сугубо будетъ достигнута.

Май мѣсяцъ для собравшихся путешествовать прошелъ въ тревожныхъ ожиданіяхъ. Боялись, что развивающаяся на востокъ чума захватитъ весь районъ предполагаемаго путешествія и потому жадно прислушивались къ идущимъ изъ Смирны и Александріи извѣстіямъ о чумѣ. Но къ концу мая извѣстія изъ зачумленныхъ мѣстностей стали благопріятные; чума не распространялась далѣе Портъ-Саида и Смирны, слѣдовательно, путешествіе не разстраивалось, приходилось только ограничить маршрутъ.

28 мая въ квартирѣ преосвященнаго Ректора академіи собрались участники предстоящаго путешествія для обсужденія и окончательнаго рѣшенія нѣкоторыхъ паломническихъ вопросовъ. Въ виду продолжающейся чумы въ Портъ-Саидѣ и Александріи, рѣшено было: остановившись дней

на шесть въ Константинополь для его осмотра, ѣхать затѣмъ на Ачонъ, а съ Аэона прямо въ Палестину, не заѣзжая въ Египетъ. Днемъ отъѣзда изъ Россіи назначено было 4 іюня: къ этому дню, и по возможности 2-го іюня, всѣ участники поѣздки должны были прибыть въ Одессу. Чтобы не случилось какой либо задержки съ получениемъ заграничныхъ паспортовъ, рѣшено было на слѣдующій же день отправить въ Одессу со всѣми нашими документами іеромонаха Гедеона, который долженъ былъ все подготовить тамъ къ нашему приѣзду. Сумму, потребную на все путешествіе по третьему классу, какъ предполагали ѣхать студенты, опредѣлили въ сто рублей съ каждаго, и рѣшено было внести эти деньги, въ видахъ экономіи и удобства, предъ началомъ путешествія, въ общую кассу, которую ввѣрить выбранному изъ среды студентовъ „эконому“,—что потомъ и сдѣлано было.

29-го мая, въ Духовъ день, въ шесть часовъ вечера, у раки Преподобнаго Сергія отслуженъ былъ торжественный напутственный молебенъ, совершенный преосвященнымъ Ректоромъ въ сослуженіи отправляющихся іеромонаховъ, архидиакона, въ присутствіи всѣхъ другихъ паломниковъ, при большомъ стеченіи народа. Никогда не забудется этотъ чудный молебенъ предъ нашимъ академическимъ Покровителемъ и Угодникомъ земли русской, Преподобнымъ Сергіемъ!.. Послѣ молебна еще разъ зашли мы къ Преосвященному, гдѣ за стаканами чая побесѣдовали о тѣхъ или иныхъ паломническихъ вопросахъ, а затѣмъ, напутствуемые его благословеніемъ, разстались до скораго свиданія въ Одессѣ.

Въ Одессу паломники направились въ разное время и разными путями. Одни поѣхали ранѣе, чтобы остановиться хотя бы на денекъ въ Кіевѣ, другіе выѣхали позже, чтобы ѣхать въ Одессу не останавливаясь. Нѣкоторые успѣли заѣхать на родину, или повидаться съ родными, жившими на пути.

2-го іюня утромъ почти всѣ паломники прибыли въ Одессу и остановились на подворьи Пантелеймоновскаго монастыря. Вечеромъ того-же дня прибылъ въ Одессу и преосвященный Арсеній, заѣзжавшій на пути повидаться съ своимъ братомъ, преподавателемъ Полтавской семинаріи. Онъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ всѣми своими спутниками по путешествію, ранѣе его прибывшими въ Одессу, а также завѣдующимъ

Пантелеймоновскимъ подворьемъ о. Феотекномъ съ другими иноками и уполномоченнымъ Палестинскаго Общества М. П. Осиповымъ. Съ вокзала всѣ толпой и пѣшкомъ отправились на Пантелейм. подворье, находящееся очень близко отъ вокзала. Около подворья уже собралась толпа народа, узнавшая о прїѣздѣ Преосвященнаго. Благословивъ собравшихся, Преосвященный прошелъ въ церковь подворья, гдѣ выслушала краткій благодарственный молебенъ, послѣ котораго обратился къ инокамъ съ рѣчью. Въ началѣ рѣчи Преосвященный поблагодарилъ иноковъ за торжественную встрѣчу, устроенную ему, какъ архіерею Бога Вышняго, а затѣмъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „много лѣтъ тому назадъ, когда я еще былъ студентомъ духовной академіи, Господь сподобилъ меня, въ качествѣ простаго паломника, дважды посѣтить св. гору Авонскую; въ оба раза я останавливался на перепутьи въ этой обители и молился въ маломъ и небогатомъ тогда храмѣ ея. Теперь вижу обширный храмъ, благолѣпный, украшенный живописью и прекрасными иконами, слышу въ немъ стройное пѣніе иночествующихъ; знаю, что и обитель сія расширена и преукрашена. Это—явное знаменіе благословенія Божія, почивающаго надъ обителью и насельниками ея за ихъ труды во славу Божию и во благо ближнихъ, обрѣтающихъ здѣсь гостепріимный кровъ, облегченіе и утѣшеніе предъ отправленіемъ во святія мѣста. Да пребываетъ же на васъ выну благословеніе Господне! Исполняйте возложенное на васъ послушаніе съ радостію, а не воздыхающе; усовершеняйтесь въ вѣрѣ и познаніи Господа нашего Іисуса Христа, возрастайте въ любви и добродѣтельной жизни, спасайтесь сами и будьте спасительнымъ примѣромъ для тѣхъ, которые, объятые высокимъ религіознымъ чувствомъ, оставляя родину, домъ, родныхъ, идутъ зрѣть благая Іерусалима, облобызать св. Гробъ Господній и другія святія мѣста“. Въ заключеніе Преосвященный, вспоминая съ благодарностію о томъ радушіи и гостепріимствѣ, которыми онъ пользовался и прежде здѣсь, выразилъ надежду, что и теперь, въ третій разъ, онъ вмѣстѣ съ своими спутниками встрѣтитъ такой же радушный пріемъ.

И дѣйствительно, завѣдующій Пантелеймон. подворьемъ о. Феотекнъ и всѣ соприкасавшіеся съ нами иноки подворья оказали намъ самый радушный пріемъ и самое ши-

рокое гостепрѣимство. Намъ всѣмъ отведены были на подворья лучшіе номера, въ которыхъ мы съ удобствомъ расположились, для нашего стола готовились особыя кушанья, конечно постныя, но разнообразныя и обильныя; прислуживавшіе намъ иноки подворья радушно оказывали всякія услуги, такъ что мы прожили на Пантелеѣмон. подворья двое сутокъ, ни въ чемъ не нуждаясь, окруженные вниманіемъ и ласковою услужливостію Пантелеѣмоновскихъ иноковъ.

Двое сутокъ пребыванія нашего въ Одессѣ прошли незамѣтно. На другой день, по прибытіи въ Одессу, послѣ утренняго чая на подворья и морскаго купанья на Ланжеронѣ, мы, съ преосвященнымъ Ректоромъ во главѣ, посѣтили подворья Андреевскаго и Ильинскаго Аѳонскихъ скитовъ; на обоихъ подворьяхъ, послѣ торжественной встрѣчи Преосвященнаго, мы проходили въ церковь, гдѣ выслушивали краткій молебенъ и прикладывались къ чтимымъ иконамъ и частицамъ мощей, существующихъ въ церкви каждаго подворья. Преосвященный послѣ молебна привѣтствовалъ иноковъ рѣчью, въ которой, наставляя ихъ въ жизни во Христвѣ, указывалъ на особую важность и значеніе ихъ послушанія—оказывать пріютъ и гостепрѣимство паломникамъ всей земли русской. Затѣмъ, посѣтивъ завѣдующихъ подворьями и откушавъ чай, подробно осматривали самыя подворья. Всѣ три подворья похожи другъ на друга и вполне отвѣчаютъ предназначеннымъ цѣлямъ, служа не только пріютомъ для паломниковъ, но являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно-просвѣтительными учрежденіями, такъ какъ при нихъ находятся содержательныя по предметамъ книжныя и иконныя лавки. Въ каждомъ подворьи есть общія палаты для простыхъ паломниковъ и отдѣльные номера для привеллигированныхъ,—и тѣ и другіе содержатся опрятно. Стѣны комнатъ и проходные корридоры увѣшаны картинами библейскаго содержанія, изреченіями св. отцовъ и объявленіями подъ заглавіемъ: „необходимые расходы для паломниковъ, отправляющихся въ Святую Землю“. На этой таблицѣ значится: за бланкъ паломническаго паспорта—50 коп; гербовую марку на прошеніи градоначальнику—80 к., за прописку вида въ полицію и пр. 70 к; за засвидѣтельствованіе турецкаго консула—2 р; за билетъ 3-го класса до Яффы и обратно — 25 рублей. Слѣдовательно, простому паломнику на

проѣздъ до Палестины отъ Одессы и обратно нужно всего только 29 рублей, т. е. очень небольшая сумма, а до Аѳона, куда пароходный билетъ 3-го класса стоитъ 14 р. 80 к., нужно только 18 рублей 80 коп. Андреевцы, между прочимъ, пригласили Владыку на освященіе новаго громаднаго собора въ Аѳонскомъ Андреевскомъ скиту, назначенномъ на 16-ое число іюня. На это Владыка отвѣтилъ, что и онъ желаетъ еще разъ побывать на св. горѣ и тѣмъ болѣе раздѣлить ихъ духовную радость, но все будетъ зависѣть отъ росписанія пароходныхъ рейсовъ. Цѣль нашего путешествія—Палестина, и на Аѳонѣ мы можемъ пробыть не болѣе недѣли; между тѣмъ русскіе пароходы съ Аѳона въ Яффу отправляются одинъ разъ въ двѣ недѣли. Если можно будетъ это какъ-нибудь устроить, то мы непременно заѣдемъ на Аѳонъ. Съ подворій, простившись съ гостепріимными иноками, Преосвященный поѣхалъ къ Херсонскому архіепископу, высокопреосвященному Іустину, принявшему его братски радушно, а нѣкоторые изъ насъ отправились въ городъ для обозрѣнія его, иные — за покупками, необходимыми въ путешествіи. Для ознакомленія съ Одессою, мы прошли по главнымъ улицамъ города, осмотрѣли памятники, выдающіяся зданія, посѣтили музеи и городской садъ. На улицахъ теперь царило полное оживленіе, свойственное большому городу. По тротуарамъ взадъ и впередъ торопились обыватели, на мостовой шумѣли извозчики, въ ушахъ жужжалъ рожокъ кондуктора конки и нестройный говоръ толпы, среди которой то и дѣло виднѣлись не русскія лица. Въ Одессѣ, какъ говорятъ, евреевъ и грековъ столько-же, сколько и русскихъ, и вся торговля въ рукахъ первыхъ двухъ національностей. И дѣйствительно, стоитъ зайти въ двѣ, три лавки, что-бы убѣдиться въ этомъ. Въ Одессѣ нѣсколько памятниковъ (Александру II-му, герцогу Ришелье—устроителю города, Пушкину, генераль-губернатору Новороссіи Воронцову и Императрицѣ Екатеринѣ II-й); но всѣ они, за исключеніемъ памятника Императрицѣ Екатеринѣ, недавно открытаго (6-го мая), прекраснаго по своей художественности и идейности, не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Пріятное впечатлѣніе по себѣ оставила прогулка по Александровскому парку, въ которомъ находится, обнесенный чугуною оградю, молодой дубъ, посаженный рукою Царя-Освободителя въ 75 году, и памятникъ—послѣд-

нему. Паркъ—чистый и уютный, а съ возвышенія памятника открывается прекрасный видъ на море и городъ. Городъ отсюда—какъ на ладони. Утопающій своими большими, и большею частію, бѣлыми домами въ зеленн акаціи и опоясанный съ двухъ сторонъ темною лентою моря, раскинувшійся на громадное пространство, городъ производитъ отсюда очень пріятное впечатлѣніе. Одно, что въ этой картинѣ непріятно поражаетъ, особенно жителя сѣверныхъ губерній, сроднивагося съ другими видами, это—отсутствіе храмовъ, сверкающихъ въ солнечныхъ лучахъ своими золотыми главами и крестами. Въ Одессѣ, съ ея нѣсколькими стами тысячъ жителей (400 т. слишкомъ), очень мало храмовъ (всего только 24 съ дом. ц.). Въ то время, когда смотришь на Москву съ вершины Воробьевыхъ горъ или Ивана Великаго, съ Волжской набережной на Ярославль, съ соборной колокольни на Вологду, или съ палубы парохода на Великій Устюгъ, то изъ за множества возвышающихся надъ городомъ храмовъ не различаешь домовъ; здѣсь-же, въ Одессѣ, съ трудомъ среди груды громадныхъ домовъ отыскиваешь куполь церковнаго храма. Одно, что незамѣнимо въ Одессѣ, это — море! Сливаясь съ горизонтомъ, оно темнѣется вдали величественное и торжественно-спокойное, думающее свою вѣковѣчную думу. Всѣ изъ насъ, кажется, видали море раньше, но и теперь всѣ остановились предъ нимъ словно очарованные и не могли оторвать глазъ отъ его синѣющей бездны. Безпредѣльное, какъ вѣчность, таинственное, какъ сама смерть, и могучее, какъ жизнь, оно обладаетъ какою-то волшебною, магическою силою надъ бѣднымъ сердцемъ человѣка, заставляя его то усиленнѣе биться, то замирать. Оно то восторгаетъ, то пугаетъ человѣка, но всегда влечетъ къ себѣ. Не даромъ древніе греки, жившіе съ природою одною жизнью и лучше нашего понимавшіе ея таинственный языкъ, оставили столько прекрасныхъ поэтическихъ мифовъ, связанныхъ съ моремъ... Вечеромъ, по случаю кануна воскресенья, были у всеобщей, сначала въ соборѣ, потомъ на подворьи. Архитектура собора довольно оригинальна. Онъ имѣетъ форму узкаго длиннаго прямоугольника, раздѣленнаго колоннами на три части. Нынѣ со стороны алтарной части сооружается пристройка, такъ что теперь соборъ въ лѣсахъ. Внутри храмъ благолѣпенъ. Поклонившіеся праху почивающихъ здѣсь свя-

тителей Одесскихъ, извѣстныхъ всей Россіи,—каковы: знаменитый витія Иннокентій, Димитрій, Никаноръ, мы отправились на подворье, гдѣ богослуженіе еще продолжалось. Храмъ подворья былъ полонъ молящимися, поютъ недурно, хотя очень своеобразно, служеніе совершается по аеонскому чиноположенію и можно замѣтить нѣкоторыя особенности въ немъ, сравнительно съ обычнымъ богослуженіемъ. Такъ, напримѣръ, во время поліелея царскихъ вратъ здѣсь не отворяли, вопреки общепринятому въ Россіи обычаю. Такъ какъ пароходъ „Николай II“, Александрійской прямой линіи, на которомъ мы должны были ѣхать въ Константинополь, отходилъ изъ Одессы утромъ слѣдующаго дня, то послѣ все-нощной въ храмѣ подворья иноками былъ отслуженъ напутственный молебенъ.

Теперь уже, кажется, все готово къ завтрашнему отъѣзду: Богу помолились, паспорта выправлены, билеты куплены. Всѣ хлопоты по выправкѣ заграничныхъ паспортовъ взяли на себя Пантеленмоновскіе иноки; заботы же о приобрѣтеніи билетовъ на пароходъ и о возможно удобномъ размѣщеніи тамъ всей нашей компаніи принялъ на себя очень любезный и въ высшей степени предупредительный агентъ Палестинскаго общества М. И. Осиповъ, которому и удалось уладить къ выгодѣ нашей недоразумѣніе съ Пароходнымъ Обществомъ. Дѣло въ томъ, что еще до нашего отъѣзда изъ Сергіева Посада одесскій агентъ Р. Общества Пароходства и Торговли извѣстилъ насъ, что „директоръ Общества въ видѣ особаго исключенія разрѣшилъ взискать съ участвующихъ въ нашей поѣздкѣ только 50% со стоимости обыкновенныхъ билетовъ (безъ продовольствія) въ Яффу и обратно“. Не зная еще различія „обыкновеннаго“ и паломническаго тарифа, мы рассчитывали получить билетъ 3-го класса за 12 р. 50 к. (паломническій билетъ стоитъ за пароходъ 24 р. и за лодку въ Яффѣ 1 р.). Но къ нашему огорченію оказалось, что обыкновеннымъ тарифомъ считается почему-то стоимость отдѣльно взятыхъ билетовъ въ Яффу и обратно (въ Яффу—круговой линіей—22 р., изъ Яффы прямой линіей—18 р., всего 40 р., кромѣ 1 рубля за лодку). Значительная для билетовъ 2-го класса (вмѣсто 93 р. ѣхавшіе изъ насъ во 2-мъ классѣ уплатили лишь около 63 р.), предоставленная намъ льгота была ничтожна для пассажи-

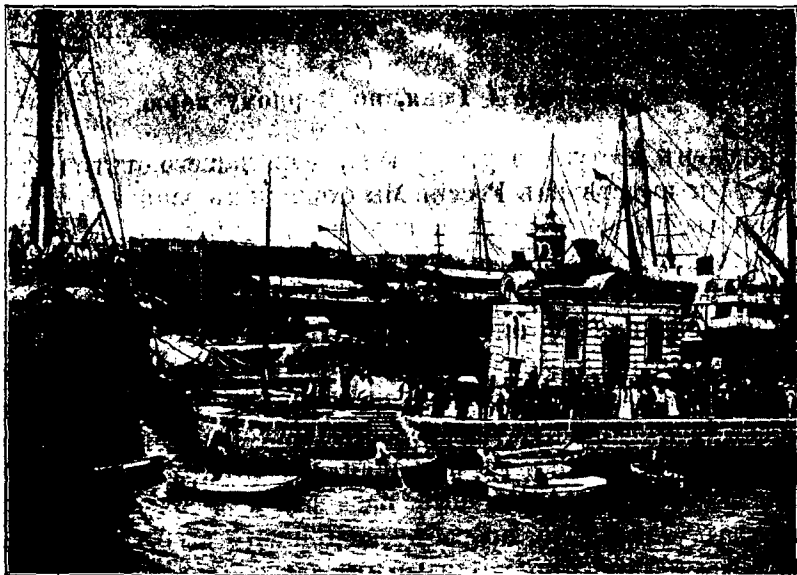
ровъ 3-го класса. Въмѣсто предполагаемыхъ 12 р. 50 к. намъ приходилось платить 20 р. 50 к.,—потеря очень чувствительная для нашего тощаго паломническаго кармана. Получивъ инструкціи содѣйствовать нашему паломничеству отъ секретаря Палестинскаго Общества В. Н. Хитрово, отнесшагося къ нашему путешествію очень сочувственно и, какъ въ послѣдствіи увидимъ, не мало способствовавшаго успѣху нашего паломничества, М. П. Осиповъ сдѣлалъ все возможное, чтобы рѣшить дѣло въ нашу пользу. Онъ обратился къ директору Русскаго Общества Пароходства и Торговли О. Л. Радлову лично и выхлопоталъ у него для насъ скидку въ 50% съ паломническаго тарифа, за что мы сердечно его поблагодарили. Отъ Михаила Ивановича мы узнали много интересныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ современное паломничество во Св. Землю простаго народа. Михаилъ Ивановичъ — это живая лѣтопись русскаго паломничества за послѣднія 10—15 лѣтъ. „Много хлопотъ съ этимъ народомъ, говорилъ намъ обязательный М. И-чъ, особенно въ паломническій періодъ, но и отрадно хлопотать, когда видишь, какія невѣроятныя усилія способенъ переносить русскій крестьянинъ, чтобы достигнуть иногда завѣтной цѣли своей жизни, поклониться Св. Гробу Господню. Часто откуда-нибудь, чуть не изъ Сибири, приходятъ богомолки не только что безъ паспорта, но даже безъ какой-бы то ни было бумаги, удостоверяющей личность, приходятъ за нѣсколько тысячъ верстъ пѣшкомъ; грѣшно, разумѣется, отправлять такихъ домой за паспортомъ, и приходится всѣми правдами и неправдами улаживать дѣло. Часто у богомолки, пришедшей за тысячи верстъ, не хватаетъ денегъ даже на пароходный билетъ; не вернешь-же такую обратно. А что было, на примѣръ, три года тому назадъ, когда для предупрежденія занесенія въ Имперію чумы, свирѣпствовавшей на Востокъ, было Высочайше запрещено отпускать богомольцевъ въ святую землю?! Паломническія книжки не выдавались; тогда стали покупать десяти рублевые заграничные паспорта. И вотъ какой нибудь изъ сѣверныхъ губерній мужикъ въ овчинномъ полушубкѣ, или старуха въ лаптяхъ подавали прошеніе градоначальнику съ просьбою о выдачѣ паспорта на поѣздку въ Ментону или Ниццу, для поправленія здоровья (sic!)“. И много—много интереснаго и поучительнаго изъ паломнической и

соприкасающейся съ нею жизни рассказывалъ намъ Михаилъ Ивановичъ со свойственнымъ ему умѣніемъ и навыкомъ...

Воскресеніе 4 Іюня, по Черному морю.

Наконецъ наступило утро 4 іюня, день нашего отъѣзда изъ Одессы и вмѣстѣ изъ Россіи. Мы сходили къ ранней обѣднѣ, и затѣмъ быстро начали приготовляться къ отъѣзду. Нашъ пароходъ долженъ быть отплыть изъ Одессы въ 10 часовъ утра. Около десяти часовъ мы простились съ гостепрѣимными и радушными иноками Пантелеимонскаго подворья и отправились въ Карантинную гавань, гдѣ стоялъ нашъ пароходъ „Николай II“, принадлежащій къ числу лучшихъ, сильныхъ и большихъ пароходовъ Общества Пароходства и Торговли. Подъѣхавъ къ пристани, мы получили изъ рукъ жандарма наши заграничные паспорта и затѣмъ вошли на пароходъ. Здѣсь, по просьбѣ добрѣйшаго агента общества Иванова, любезности котораго мы обязаны многими удобствами во время пути, капитанъ парохода дозволилъ намъ занять особое, такъ называемое эмигрантское, отдѣленіе, составляющее нѣчто совершенно отдѣльное отъ помѣщенія обыкновенной палубной публики. Здѣсь мы помѣстились всѣ вмѣстѣ съ о. Анастасіемъ, о. Варсанофіемъ и докторомъ. Остальные путники заняли мѣста во 2 классѣ, а Преосвященный въ 1-мъ.

Между тѣмъ наступило 10 часовъ, а пароходъ еще не думалъ трогаться. Оказалось, что поджидаютъ нашего Константинопольскаго посла И. А. Зивовьева, который долженъ былъ ѣхать на нашемъ пароходѣ. Наконецъ чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ посолъ, и тогда капитанъ отдалъ приказъ отчаливать. Заработала машина, зазвенѣли якорныя цѣпи, отданы причалы и пароходъ, лѣнливо поварачиваясь, сталъ медленно отдѣляться отъ берега. Съ набережной, гдѣ собралось довольно много народу, начали махать платками и шляпами. Пантелеимоновскіе иноки, сопровождавшіе насъ до пристани, кучкою стояли на набережной и посылали намъ прощальный привѣтъ. Преосвященный, имѣвшій съ собою фотографическій аппаратъ, моментально снялъ съ парохода всю толпу, которая собралась на набережной провожать отъѣзжавшій пароходъ.

Прощаніе съ Одессою.

По мѣрѣ того, какъ мы отплывали изъ гавани, предъ нами красиво обрисовывалась Одесса, широко раскинувшаяся по набережной и ярко блестящая своими бѣлыми домами подъ горячими лучами южнаго солнца. Мы долго любовались съ палубы красивымъ видомъ этого красиваго со стороны моря города. Наконецъ городъ все болѣе и болѣе сталъ застигаться синеватою дымкою, и вотъ уже мы въ открытомъ морѣ. Куда ни посмотришь кругомъ, вездѣ безъ конца одно слегка волнующееся море, темныя волны котораго нашъ пароходъ смѣло разсѣкаетъ своею мощною грудью, оставляя за собою широкій серебристый слѣдъ. Всюду кругомъ ширь, раздолье... Хорошо! Почти у всѣхъ путешественниковъ, описывавшихъ свое путешествіе въ Палестину, обыкновенно встрѣчаются изображенія тѣхъ тяжелыхъ, скорбныхъ чувствъ, которыя они переживали, удаляясь на пароходѣ отъ своей родины, тѣ страхи и тревоги, которые невольно закрадывались въ ихъ душу при началѣ предстоящаго длиннаго пути; или удаляющимся отъ роднаго берега казалось, что у нихъ внутри что-то какъ будто обрывается, какъ будто они навсегда прощаются съ своею родиной и со всѣмъ тѣмъ дорогимъ,

что въ ней осталось для нихъ. Нужно сознаться, что ничего подобнаго мы не испытывали, что при видѣ удаляющейея дорогой родины ничто у насъ внутри не обрывалось, что никакихъ скорбныхъ и гнетущихъ чувствъ мы въ себѣ не ощущали, никакіе страхи и тревоги за будущее насъ не обуревали. Наоборотъ, мы всё находились въ какомъ-то радостно возбужденномъ настроеніи, настроеніи бодромъ, смѣломъ и прямо веселомъ. Радость наполняла сердца наши при мысли, что Рубиконъ перейденъ, что мы на пути въ ту страну, которую многіе пророки и цари желали видѣть, куда на протяженіи 19-ти вѣковъ стремился, можно сказать, весь міръ.... Одно, чего мы боялись, и то не всё, это — коварства и измѣнчивости моря, правда теперь спокойнаго, но надолго-ли? А нѣкоторые, любители сильныхъ ощущеній, какъ будто недовольны были такимъ необычнымъ спокойствіемъ Чернаго моря, желая испытать прелести морской качки съ ея послѣдствіями. Впрочемъ, впоследствии и они смирились въ своей самонадѣянности.

Звонокъ пригласилъ классныхъ пассажировъ къ завтраку, и мы спустились въ свое изолированное отъ всѣхъ пассажировъ отдѣленіе, устроили импровизированный столъ изъ двухъ досокъ и „организовали“ чай и закуску, за которымъ незамѣтно бѣжало время въ дорожныхъ воспоминаніяхъ и пересыпавшихся добродушными шутками разговорахъ. Казалось, что мы не за предѣлами Россіи, на гигантѣ—параллель качаемся на волнахъ грознаго моря, а у себя дома, подъ тихую сѣнью родной академіи, которую только что оставили, собрались студенческимъ кружкомъ, что-бы подѣлиться впечатлѣніями отъ послѣдней прослушанной лекціи или новой прочитанной книги, горячо поспорить объ отвлеченныхъ вопросахъ и вмѣстѣ помечтать о будущемъ Россіи, Европы и даже человѣчества. Для довершенія иллюзій, къ намъ спускались преосвященный Ректоръ и Николай Федоровичъ съ Василиемъ Никаноровичемъ. „Не одѣвайтесь, не одѣвайтесь, господа, говорилъ Преосвященный, будемъ по просту, мы пришли съ господами профессорами къ вамъ чай пить. Еге! да вы здѣсь прекрасно устроились, не хуже, чѣмъ у насъ въ 1-омъ классѣ. Не правда ли, Николай Федоровичъ? Со мною, въ 1-омъ классѣ, говоритъ Преосвященный, ѣдетъ русскій посолъ въ Турціи И.

А. Зиновьевъ. Я съ нимъ имѣлъ удовольствіе познакомиться, рассказалъ о нашемъ путешествіи и онъ обѣщаль оказать содѣйствіе во время путешествія по Турецкой имперіи. Это извѣстіе всѣхъ обрадовало. Мы знали, что въ Турціи, благодаря своеобразнымъ порядкамъ этого государства, туристамъ часто приходится страдать отъ произвола чиновниковъ и отъ другихъ случайностей. Разговоръ за чаемъ естественно вертѣлся около путешествія. Говорили о томъ, какъ надо путешествовать, что-бы извлечь изъ путешествія наибольшую пользу, чтобы оправдать изреченіе Премудраго: „обтекаая страны, умножаетъ разумъ“. Преосвященный совѣтоваль записывать непременно всѣ впечатлѣнія, вести дневникъ—этимъ обусловливается успѣхъ путешествія—и записывать тотчасъ же все обратившее на себя вниманіе. Многіе сомнѣвались, возможно-ли будетъ дѣлать это во время пути, когда впечатлѣній такъ много, а удобства, необходимыя для того, что-бы сосредоточиться, осмыслить впечатлѣнія и изложить ихъ, обратно пропорціональны количеству впечатлѣній. Василиій Никаноровичъ совѣтоваль записывать самое существенное только, и не позднѣе двухъ дней послѣ перваго впечатлѣнія, иначе воспоминанія, при постоянно повторяющихся новыхъ и новыхъ впечатлѣніяхъ, не будутъ такъ отчетливы и непосредственны.

Послѣ ухода Преосвященнаго и профессоровъ, въ наше отдѣленіе явился небольшого роста господинъ, въ очкахъ, извинился и спросилъ, не чувствуемъ-ли мы недостатка въ воздухѣ, не дуетъ ли гдѣ, не нужно-ли кому-нибудь чего? Мы поблагодарили любезнаго господина, принявъ его за доктора, хотя, какъ потомъ оказалось, это былъ агентъ Общества. Покамѣсть будемъ называть его докторомъ. вмѣстѣ съ докторомъ поднялись на палубу. Онъ оказался обаятельно любезнымъ человѣкомъ и знатокомъ Чернаго моря и всего пути, и мы, перебивая другъ друга, торопились эксплуатировать его знаніе, предпочитая, по вполнѣ понятной причинѣ, живаго руководителя мертвому гиду. „Мы идемъ довольно быстро,—замѣтилъ кто-то изъ насъ,—интересно узнать, какъ приводится въ движеніе такой колоссъ“. Докторъ предложилъ намъ спуститься внизъ и подъ его руководствомъ осмотрѣть машину. Мы поспѣшили воспользоваться приглашеніемъ и черезъ минуту очутились въ страшномъ пеклѣ

среди безконечнаго ряда двигающихся съ пыхтѣніемъ и визгомъ поршней. Машина—на полномъ ходу; кругомъ все двигается и шипитъ, слова заглушаются шумомъ машины, спускаемся еще ниже,—потъ градомъ катитъ со всѣхъ, здѣсь около двухъ громаднхъ печей стоятъ два кочегара съ лопатами и ежеминутно бросаютъ въ печь каменный уголь, механически сыплющійся сверху. Отсюда докторъ ведетъ насъ далѣе къ средоточію всей машины; здѣсь не особенно толстый продолговатый валикъ необыкновенно быстро кружится вокругъ своей оси, приводя во вращательное движеніе выходящій наружу винтъ, разсѣкающій воду и двигающій параходъ впередъ; всѣ многочисленныя машины, занимающія цѣлый ярусъ парахода, устроены только для того, что-бы заставить вертѣться валикъ. Но знакомство съ параходомъ дается не даромъ; отъ жары начинаетъ кружиться голова и мы торопимся подняться на свѣжій воздухъ. Темная ночь повисла надъ моремъ. Небо загорѣлось мириадами звѣздъ, онѣ свѣтятся необыкновенно ярко и трепещутъ, какъ живыя, потемнѣвшее море уснуло, только всплескъ волнъ, поднимаемыхъ параходомъ, нарушаетъ его нѣмую тишину, — свѣжій вѣтерокъ ласкаетъ лицо. Кто то изъ насъ обратилъ вниманіе на особый блескъ звѣздъ и ихъ расположеніе, сравнительно съ звѣзднымъ небомъ сѣвера. Докторъ услышалъ разговоръ и прочиталъ цѣлую лекцію о южномъ звѣздномъ небѣ, переходя съ трубою въ рукѣ отъ одного борта парахода къ другому. Еще долго пассажиры ходятъ по палубѣ и смотрятъ на море, или шопотомъ разговариваютъ. Кончился первый день нашего морскаго странствованія. Клонитъ ко сну. Палуба начинаетъ пустѣть. Всѣ расходятся по своимъ каютамъ, что-бы заплатить долгъ сну.

5 Іюня, Понедѣльникъ. На Босфорѣ.

День богатый впечатлѣніями. Проѣхали Босфоръ и пріѣхали въ Царь-градъ. Впрочемъ, по порядку. Встали рано. На параходѣ долго не спится и сейчасъ-же, конечно, на палубу. Все таже безконечная равнина моря, оно также спокойно и безстрастно, какъ и вчера. Докторъ уже здѣсь. Онъ спрашиваетъ—хорошо-ли спали и совѣтуетъ любоваться моремъ, пока оно кажется безпредѣльнымъ. По небу забѣгали

тучки, онъ набѣгаютъ иногда на солнце и тогда на море ложится сѣрый, угрюмый колоритъ; оно, какъ будто, начинаетъ беспокоиться, предчувствуя что-то недоброе, сѣрыя волны вздымаются выше и энергичнѣе, толкаютъ другъ друга; но пройдетъ тучка мимо солнца и снова все-кругомъ принимаетъ жизне-радостный видъ.—8 часовъ—звонокъ зоветъ классныхъ пассажировъ къ чаю. Къ этому времени и мы приурочиваемъ ѣду и отправляемся къ себѣ. Подкрѣпившись, снова высыпали всѣ на палубу и съ путеводителями въ рукахъ разбрелись по пароходу. Пароходъ идетъ въ Александрію, не заходитъ ни на Аѳонъ, ни въ Яффу, и потому пассажировъ третьяго класса въ немъ немного. Это большею частію торговые люди, отправляющіеся по дѣламъ въ Константинополь: греки и армяне. Среди нихъ только одинъ показался намъ несомнѣнно русскимъ: такъ типично было его угрюмое, изборожденное морщинами лицо и длинная всклокоченная борода. Съ нимъ мы разговорились. Онъ оказался Одесскимъ купцомъ, ѣдетъ въ Константинополь, что-бы оттуда съ слѣдующимъ пароходомъ круговаго рейса отправиться на Аѳонъ, на торжество освященія новаго храма въ Андреевскомъ скиту. Много разъ бывалъ на Аѳонѣ, хорошо знакомъ съ жизнью обитателей его, воздастъ должное святости ихъ, не умалчивая и о темныхъ пятнахъ, которыя и „на свѣтломъ солнышкѣ бываютъ, а не то, что среди грѣшныхъ людей;“ читалъ много описаній святой горы, но не совсѣмъ-то они его удовлетворяютъ,—думаетъ составить свое. Пожелали мы ему, конечно, всякаго успѣха на „литературномъ поприщѣ“. На палубѣ 1 и 2 классовъ пассажировъ больше. Кромѣ посла П. А. Зиновьева и причисленнаго къ посольству Мандельштама, молодого ученаго, недавно защищавшаго на степень магистра въ Петербургскомъ университетѣ диссертацию по политическому праву и удостоеннаго прямо степени доктора права, тутъ былъ сотрудникъ Петербургскихъ Вѣдомостей Дурново съ сыномъ-студентомъ университета, путешествующіе въ Константинополь и Аѳины, виднѣются блѣдно-спокойныя лица гречанокъ, которыхъ легко узнать по ихъ (анти) классическимъ носамъ и темнымъ, какъ осенняя ночь, волосамъ, бѣгаютъ дѣти жены греческаго посла въ Петербургѣ; русскихъ и здѣсь немного. Они скупчились на краю палубы, и, какъ это бываетъ только во

время пути, не знакомясь, разговариваютъ другъ съ другомъ. Учительница Московской гимназіи, отправляющаяся въ Римъ, ѣдетъ 3-й разъ въ Константинополь, необыкновенными красками живописуетъ Босфоръ и Константинополь. — Это зрѣлище, говоритъ она, подзадоривая любопытство слушателей, неописуемой красоты. — Нашъ „путеводитель“, щедрый на похвалы, называетъ видъ на Босфоръ едва-ли не красивѣйшимъ видомъ во всемъ мірѣ. Все это заставляетъ съ нетерпѣніемъ дожидаться двухъ часовъ, когда мы по росписанію войдемъ въ Босфоръ. Мечта забѣгаетъ впередъ и въ воображеніи встаетъ картина, нарисованная поэтомъ:

Тамъ, предъ Эюбомъ ¹⁾ живописнымъ,
 Вѣнчаясь лѣсомъ кипариснымъ,
 Картина чудной красоты
 Свои раскинула узоры.....
 Волшебный край! Шехеразады
 Живая, сказочная ночь!
 Души дремоты и услады
 Тамъ умъ не въ силахъ превозмочь...

Но въ дѣйствительности еще ничего этого пока нѣтъ; кругомъ безбрежное море, приковывающее къ себѣ вниманіе своею необъятностью, величіемъ, таинственностью и непостоянствомъ. Не эти-ли качества дали поводъ отцамъ церкви, жившимъ большею частію при морѣ, сравнивать жизнь человѣческую съ моремъ; это сравненіе въ свято-отеческихъ твореніяхъ встрѣчается чаще другихъ. Послѣ полудня вдали постепенно стала обрисовываться земля. Пассажиры, вооружаясь биноклями, подходили къ борту парохода, но долго еще ничего не было интереснаго. Наконецъ, около 2 часовъ пополудни, пароходъ подошелъ къ гористому, угрюмому европейскому берегу и, повернувъ направо, сталъ входить въ Босфоръ — этотъ водяной мостъ между Азіею и Европой, имѣющій въ длину 3 съ половиною мили и 1—2 версты въ ширину. Онъ открывается не сразу, и по мѣрѣ того, какъ пароходъ поворачивается на изгибахъ пролива, предъ зрителемъ открываются новыя и новыя перспективы. Вотъ и азіатскій берегъ. Онъ такой-же угрюмый, какъ и европейскій, и въ душу начинаетъ прокрадываться сомнѣніе, не

¹⁾ Эюбъ—турецкое кладбище на берегу Золотого Рога.

преувеличены—ли восторженные описанія Босфора, называющія его чудомъ, сказкою Шехеразады, волшебнымъ свидѣніемъ, миражами дѣтства, и т. п. Но прошло еще нѣсколько минутъ и всѣ сомнѣнія разсѣялись.

Предъ минаретами пророка,
Здѣсь, весь объятый цѣпью горъ,
Подъ небомъ голубымъ востока
Свѣтлѣеть голубой Босфоръ.

На встрѣчу намъ бѣгутъ волнистые холмы европейскаго и азиатскаго береговъ, сплошь застроенные громоздящимися другъ на друга своеобразной архитектуры домами, купающимся внизу въ голубыхъ волнахъ Босфора, а вверху, на горѣ, утопающими въ зелени садовъ. Ярко-синее небо, голубыя волны Босфора, причудливыя очертанія холмовъ, униженныхъ бѣлами домами, вырисовывающимися сквозь зелень кипарисовъ, платановъ и буковъ, знойное солнце, оживляющее все кругомъ и играющее своими золотыми лучами на полумѣсяцахъ красивыхъ мечетей, обиліе красокъ, чередованіе свѣта и тѣней—это, если и не сказка Шехеразады, то во всякомъ случаѣ чудная картина, на которую нельзя не залюбоваться. Но этою картиною, какъ и произведеніями художниковъ, нужно любоваться только издали. Чудная картина Айвазовскаго вблизи оказывается грубо-размалеваннымъ полотномъ. И Босфоръ, если всматриваться въ его детали, покажется далеко не волшебнымъ. Архитектура восточныхъ домовъ не отличается особымъ изяществомъ; это какіе то длинныя-узкіе ящики съ плоскими крышами и задѣланными рѣшотками окнами. Въ нихъ и около нихъ словно все вымерло: ни человѣческаго лица, ни звука, ни движенія. Восточные дома перемежаются дворцами, похожими на казармы, и громадными казармами, похожими на дворцы. Казармъ и казарменныхъ построекъ здѣсь много, особенно при самомъ входѣ въ Босфоръ; есть и земляныя укрѣпленія, откуда вызывающе глядятъ дула пушекъ. И только по временамъ, среди ящикообразныхъ восточныхъ домовъ и другихъ казарменныхъ построекъ Босфора, изящно выдѣляется прекрасной архитектуры зданіе—дача, или фантастическія развалины древнихъ крѣпостей. Лишь только мы миновали турецкія крѣпости, нашъ пароходъ остановился противъ дачи русскаго посла — Буюкъ-дере, боль-

шого каменнаго дома, за которымъ далеко по горѣ раскинулась роскошная роща, такъ и манившая подъ свою тѣнь съ накаленной знойнымъ солнцемъ палубы парохода. За посломъ выѣхалъ раззолоченный канкъ; его встрѣчаютъ члены посольства, представители султана, явившіеся отъ лица своего государя привѣтствовать посла при его возвращеніи, турецкая полиція, въ необычайно рѣзкомъ и бросающемся въ глаза костюмѣ. Распростившись весьма любезно съ Преосвященнымъ и еще разъ пообѣщавъ оказать намъ всякое содѣйствіе во время пребыванія въ Константинополѣ, г. посоль отбылъ на томъ же канкѣ въ Буюкъ-дере. Послѣ отъѣзда посла, пароходъ медленно пошелъ къ Константинополю, обгоняя и встрѣчая на каждомъ шагу пароходы, парусныя суда, паровыя катера и турецкіе канки, рѣжущіе въ разныхъ направленіяхъ воды Босфора. Оживленіе на водѣ становилось все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы подѣзжали къ древнему городу, колыбели православія—Царь-граду. Переходя съ борта на бортъ, съ биноклемъ въ рукахъ, пассажиры торопятся посмотреть на то или другое выдающееся зданіе на европейскомъ или азіатскомъ берегу и вспоминаютъ совершившіяся здѣсь событія древней и новой исторіи. За Буюкъ-дере на европейскомъ берегу показываютъ Терапію съ красивыми дворцами посольствъ другихъ иностранныхъ государствъ; далѣе обращаетъ на себя вниманіе построенная еще въ 1452 г. Магометомъ 2-мъ крѣпость: Румели—гиссаръ, которую строитель остроумно называлъ: „Багхазъ-Кетченъ“ — поверни назадъ. Ранѣе въ этомъ мѣстѣ переходили Босфоръ: Дарій, шедшій войною на скивовъ, и 10 тысячъ грековъ, возвращавшихся изъ Персіи подъ предводительствомъ Ксенофонта. Далѣе—виллы богатыхъ турокъ и дворцы падишаха самой причудливой архитектуры: Долма-Бахче, вверху—Ильдызъ Кіоскъ—резиденція султана Абдуль-Гамида, Чараганъ, гдѣ заключенъ бывшій султанъ Мурадъ. По Босфору пароходъ идетъ уже болѣе 1½ часа, и быстрая смѣна новыхъ и новыхъ видовъ начинаетъ утомлять пассажировъ, всѣмъ хочется увидать поскорѣе самый городъ, про который византійскій историкъ Михаилъ Дука съ паѳосомъ говорилъ: „о городъ, городъ, всѣмъ городамъ голова!“ Но городъ, какъ бы для того, что бы усилить впечатлѣніе, показывается сразу, лишь только пароходъ сдѣ-

лаетъ послѣдній поворотъ. Онъ обрисовывается во всемъ своемъ величій предъ зрителемъ и картина, которою мы любуемся съ парохода, не столько красива, сколько эффектна. Босфоръ развѣтвляется: одинъ рукавъ его—Золотой Рогъ—синюю лентою перепоясываетъ городъ, отдѣляя турецкую часть его — Стамбуль отъ европейской — Пера и Галата: другой—греки называютъ Пропонтидою—впадающій въ Мраморное море, оmyваетъ южную часть Стамбула, раздѣляетъ Европу отъ Азіи. На холмахъ, опоясанныхъ голубою лентою Пропонтиды и Золотаго Рога, амфитеатромъ раскинулся древній городъ, столько-же европейскій и христіанскій, сколько и азіатскій и мусульманскій, и въ настоящее время одинаково дорогой, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Среди громаднѣющихся другъ на друга восточныхъ зданій съ плоскими крышами, красивыя мечети съ высокими круглыми куполами и тонкими, стройными минаретами царятъ надъ городомъ. На азіатскомъ берегу—Скутари—городъ кладбищъ, тонущихъ въ зелени кипарисовъ, уходящихъ своими стройными вершинами въ далекое небо. Въ отдаленіи за Стамбуломъ обрисовываются темные силуэты Принцевыхъ острововъ, купающихся въ бирюзовыхъ водахъ Мраморнаго моря. Золотой Рогъ запруженъ сотнями судовъ и издали виднѣется лишь лѣсъ мачтъ. Среди домовъ Стамбула выдѣляется громадное, бѣлое зданіе Серая, а за нимъ, словно согнувшаяся подъ тяжестью лѣтъ старушка, Св. Софія. На правой сторонѣ бросается въ глаза высокая, круглая генуэзская башня, господствующая надъ Галатою.

Около 4 часовъ вечера нашъ пароходъ бросилъ якорь противъ Золотаго Рога и довольно далеко отъ берега Галаты, гдѣ находится турецкая таможня. Турецкіе кайки, давно уже кружившіеся, какъ стая вороновъ надъ трупомъ около парохода, теперь окружили его со всѣхъ сторонъ и, отталкивая другъ друга, торопились занять мѣсто ближе къ трапу; а нѣкоторые лодочники карабкались на самый пароходъ. Для чловѣка, непривыкшаго къ восточнымъ нравамъ, все кажется интереснымъ и своеобразнымъ, начиная съ оригинальныхъ костюмовъ гребцовъ. Нѣкоторыя сцены такъ и просятся на полотно. Пользуясь отсутствіемъ хозяина, одинъ лодочникъ отталкиваетъ кайкъ отъ трапа; какъ коршунъ налетаетъ сверху на него хозяинъ лодки и феска перваго съ шумомъ

летить въ море: тотъ въ свою очередь пускаетъ входъ весло: крикъ и шумъ невообразимый. Въ другомъ мѣстѣ два лодочника вцѣпились другъ другу въ волосы и обмѣниваются любезностями. Но лишь только трапъ спущенъ, лодочники забываютъ личныя обиды и дружно нападаютъ на пассажировъ, предлагая на всевозможныхъ языкахъ услуги и вырывая изъ рукъ чемоданы. Къ нимъ присоединяются не менѣе назойливые гиды и коммисіонеры. „Monsieur, сэръ, челеби, ефенди, господинъ“—раздается во всѣхъ углахъ парохода. Наконецъ появились и монахи съ 3-хъ Аѳонскихъ подворій, выѣзжающіе къ каждому приходящему въ городъ пароходу за богомольцами, а теперь и предупрежденные о нашемъ пріѣздѣ. Мы заняли двѣ лодки Пантелеймоновцевъ и Андреевцевъ и, лавируя между другими лодками, направились къ берегу. Море, казавшееся съ парохода совершенно спокойнымъ, на самомъ дѣлѣ довольно сильно волновалось, хмурилось и высоко подбрасывало нашу небольшую лодку. „А что, глубоко здѣсь?“ „Да, дна не достать“, отвѣтили монахи и какъ-бы про-себя прибавили, „и народу же погибло тутъ—во время рѣзни армянъ,—весь проливъ былъ красный, трупы плавали десятками.“

Высадившись на берегу Галаты, мы всѣ вмѣстѣ во главѣ съ Преосвященнымъ, предводительствуемые монахами, отправились на Пантелеймоновское подворье, отстоящее не болѣе на полверсты отъ берега. Пройдя по темному корридору большого каменнаго зданія, похожаго на заброшенный сарай—это была, какъ мы потомъ узнали, турецкая таможня,—мы черезъ нѣсколько узкихъ, грязныхъ переулковъ, замощенныхъ такъ, что на нихъ легко сломать ноги, прыгая черезъ собакъ, кучками мирно-спящихъ среди дороги, проталкиваясь среди снующихъ во всѣ стороны обывателей Галаты, дошли наконецъ до большого пятиэтажнаго дома Пантелеймоновскаго подворья. На колокольнѣ подворья не громко, но по православному обычаю звонили. На встрѣчу Преосвященному вышелъ настоятель подворья о. Мисаилъ съ братією. Сопровождаемые ими, мы направились въ небольшую, но уютную церковь подворья, помѣщающуюся на крышѣ пятиэтажнаго зданія. Преосвященнаго здѣсь встрѣтили пѣніемъ: „Достойно“, входной; послѣ чего мы выслушали благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго при-

бытія, приложились къ частицамъ мощей и мѣстнымъ иконамъ. Послѣ молебна Владыка обратился къ инокамъ съ рѣчью, въ которой высказавъ радость о томъ, что ему въ третій разъ пришлось быть здѣсь, среди извѣстной своимъ страннолюбіемъ братіи и поблагодаривъ инокѡвъ за радушную встрѣчу, пожелалъ имъ спасенія о Господѣ. Затѣмъ Преосвященный, примѣнительно къ послушанію здѣшнихъ иночествующихъ и обитанію ихъ въ разновѣрномъ и разноплеменномъ градѣ, развилъ въ своей рѣчи мысль о *святости жизни христіанъ* въ связи съ прославленіемъ имени Божія. „Жизнь христіанъ, поучалъ Преосвященный, дѣла ихъ и слава Божія находятся въ тѣсной связи между собою, какъ говоритъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ (Мѡ. 5, 16) и Апостоль Павелъ: добрыми дѣлами христіанъ имя Божіе прославляется, дурными—хулится (Рим. 2, 24). Понятна причина этого. По жизни людей обыкновенно судятъ о достоинствѣ ихъ вѣры, о содержимомъ ими религіозномъ ученіи и о Самомъ Богѣ—Виновникѣ вѣры. Истинные послѣдователи вѣры Христовой въ своей жизни необходимо должны отображать и отображаютъ содержимое ими вѣроученіе и правоученіе, со всѣми его достоинствами, и уподобляются и должны уподобляться своему небесному Отцу и Господу нашему Иисусу Христу. А такая жизнь христіанъ, какъ жизнь совершеннѣйшая, невольно возбуждаетъ уваженіе къ нимъ и побуждаетъ людей прославлять и Отца ихъ небеснаго, породившаго и воспитавшаго такихъ добрыхъ дѣтей. Святость жизни—спасительное требованіе отъ всякаго христіанина, но преимущественно—отъ пастырей духовныхъ и иночествующихъ, отречшихся отъ страстей и соблазновъ міра сего. Вы по послушанію живете здѣсь въ городѣ, населенномъ и инославными, и евреями, магометанами, язычниками. Что, если неблаговидною жизнью своею дадите кому нибудь изъ нихъ благовидный предлогъ къ порицанію православной вѣры? О, да не будетъ сего! Знаю, что вамъ труднѣе, чѣмъ вашимъ аѡнскимъ братіямъ, блюсти святость жизни своей, въ виду тѣхъ искушеній и соблазновъ, среди которыхъ вы находитесь... Но молитесь, да не увидите въ напасть. Труднѣе борьба—большая награда. Молю Господа Бога, да даруетъ вамъ Свою благодатную помощь въ спасительномъ несеніи вашего послушанія. Да прославляется вами имя Божіе у

магометанъ, евреевъ и язычниковъ, а не хулился, какъ оно нѣкогда хулилось среди язычниковъ ради дурныхъ іудеевъ“. Преподавъ затѣмъ благословеніе братіи и богомольцамъ, видимо обрадованнымъ лицезрѣніемъ русскаго Архипастыря, и прохладившись въ общемъ вальѣ обычнымъ на востокъ глико съ холодною водою, Преосвященный вмѣстѣ съ нами посѣтилъ и другія, вблизи находящіяся, подворья, гдѣ встрѣча была такая же торжественная и радушная. Преосвященный и здѣсь назидаль братію и богомольцевъ своимъ словомъ.

Преосвященный вмѣстѣ съ нами остановился въ подворьи Пантелеймоновскаго монастыря, профессора съ лаврскими монахами въ Андреевскомъ подворьи. Намъ отвели прекрасныя, чистыя комнаты съ чуднымъ видомъ на Золотой Рогъ и Стамбуль. — Не успѣли мы переодѣться, какъ любезнѣйшій и услужливѣйшій гостинникъ отецъ Евгенийъ уже бѣгалъ по номерамъ, приглашая въ общую столовую кушать. Въ столовой мы были только одни, прочѣли молитву, Владыка благословилъ трапезу и усѣлись предъ возвышающимися пирамидою тарелками. Обѣдъ былъ сытный и разнообразный. Прославленное аѳонское гостепримство оправдало себя. Отъ Евгенийъ изо всѣхъ силъ старался услужить и, не уставая, угощалъ, приправляя приглашеніе невинными прибаутками. Казалось, что мы не въ далекой чужой странѣ, а въ родной Руси, въ гостепримномъ домѣ хлѣбосольнаго хозяина. „Грѣхъ вамъ, о. Евгенийъ, говорилъ Преосвященный, такъ закармливать гостей“, но о. Евгенийъ былъ неумолимъ, приглашая отвѣдать новаго блюда.

Пообѣдавъ и напившись чаю, мы отправились знакомиться съ городомъ, а Преосвященный отправился въ экипажъ съ визитомъ къ послу, который къ вечеру долженъ былъ пріѣхать изъ Буюк-дере въ городъ. О. Евгенийъ любезно предложилъ намъ въ провозатые монаха о. Галактіона. Но что-бы познакомиться съ фізіономіей города, не надо далеко ходить: стоитъ лишь повернуть направо отъ подворья и переулкомъ выйти на узкую, грязную и темную отъ нависшихъ съ двухъ сторонъ домовъ улицу. Улица кишмя кишитъ народомъ различныхъ племенъ, національностей и общественныхъ положеній. Всѣ торопятся и бѣгутъ въ разныя стороны, не обращая другъ на друга вниманія. Только жен-

щинъ почти не видно въ этой толпѣ. Изрѣдка тѣнью мелькнетъ закутанная, какъ мумія, въ свое шелковое фередже (покрывало) турчанка, сопровождаемая служанкою, и не успѣешь за чернымъ тонкимъ яшмакомъ (вуалью) размотрѣть ея одудловатое, блѣдное, правильное лицо съ потупленными внизъ глазами, какъ она уже скрылась въ волнующейся и шумящей толпѣ. Вообще шумъ на улицѣ невообразимый. Шумъ конки, неистовый крикъ бѣгущаго впереди нея и расталкивающаго толпу негра, галдѣніе разносчиковъ, ревъ ословъ, муловъ, лошадей и воловъ, хлопанье бичей, визгъ придавленныхъ собакъ, странные и разнообразныя выкрикиванія разносчиковъ фруктъ и овощей, звонъ денегъ многочисленныхъ мѣновщиковъ, расположившихся прямо на тротуарѣ, побрякиваніе стаканами, встрѣчающихся на каждомъ шагу, продавцевъ лимонаду—все это сливается въ такой невообразимый концертъ, отъ котораго становится жутко непривычному человѣку. „Идите среди улицы, предупреждаетъ о. Г—онъ, иначе васъ обольютъ помоями; здѣсь принято выливать и выбрасывать все ненужное прямо на улицу“. Дѣйствительно, всѣ стремятся на средину улицы, на которой едва-едва могутъ развѣхаться два экипажа, тѣмъ самымъ увеличивая толкотню и давку. А на тротуарахъ, и безъ того узкихъ, сидятъ, покуривая кальянъ или посасывая кофе изъ микроскопическихъ чашечекъ, турки, флегматично посматривающіе на прохожихъ; здѣсь-же расположились сарафы (мѣнялы) и сюда-же продавцы вынесли изъ лавокъ свои произведенія. Послѣдніе рѣдко пропускаютъ проходящаго мимо, а особенно иностранца, котораго они узнаютъ какимъ то чутьемъ, безъ того, что-бы не предложить ему своего товару и не пробѣжать за нимъ нѣсколькихъ шаговъ, расхваливая достоинство товара. Къ нимъ присоединяются въ нападеніи на иностранцевъ: мѣнялы, комиссіонеры, гиды и разносчики, часто заставляющіе покупать вещь совершенно ненужную, что-бы только отвязаться. Большинство ихъ хотя и плохо, но говоритъ по русски. Всюду грязь и вонь. Но дополняютъ и вѣнчаютъ достойнымъ образомъ эту своеобразную картину собаки. Среди улицы, пристроившись къ кучѣ мусора, десятками валяются эти невозможныя животныя, прежде всего поражающія туриста. Нельзя говорить, конечно, о современномъ Константинополѣ и

не сказать о его собакахъ. Но едва-ли можно что-нибудь прибавить къ характеристикѣ своеобразныхъ Константинопольскихъ собакъ, сдѣланной извѣстнымъ натуралистомъ Брэмомъ, кромѣ того, что она безусловно справедлива. Вотъ что говоритъ о нихъ почтенный авторъ „Жизни животныхъ“ (т. I, стр. 341, Спб. 66 г.). „Съ мыслию объ улицахъ столицы неразлучна мысль объ ихъ постоянныхъ обитателяхъ — нимѣющихъ хозяевъ собакахъ, которыхъ видишь на нихъ въ безчисленномъ множествѣ. Обыкновенно составляешь себѣ слишкомъ высокое представленіе о тѣхъ видахъ, о которыхъ часто читаешь. Относительно этихъ же собакъ дѣло другое. Хотя всѣ путешественники согласны въ томъ, что представляютъ ихъ, какъ мученіе челоуѣчества, однако большая часть ихъ отзывается слишкомъ умѣренно, говоря объ этихъ животныхъ. Это животное—совершенно особой породы: по наружной формѣ оно ближе всего подходитъ, конечно, къ овчаркамъ, но у нихъ нѣтъ ни загнутаго хвоста, ни короткихъ волосъ грязно-желтаго цвѣта. Когда они лѣниво подкрадываются или лежать на солнцѣ, то нужно сознаться, что ни одно животное не имѣетъ болѣе наглаго, я хотѣлъ сказать, болѣе грубаго вида. Всѣ улицы, всѣ площади покрыты ими; онѣ или стоятъ рядами около домовъ, выжидая куска, который имъ случайно выбросятъ, или лежать посреди улицы, и турокъ, который сильно боится причинить зло живому существу, уступаетъ имъ дорогу. Я никогда не видѣлъ также, чтобы мусульманинъ наступилъ на одно изъ этихъ животныхъ или ударилъ-бы его: скорѣй купецъ выброситъ имъ изъ лавки остатки своего обѣда. Каждая улица имѣетъ своихъ собакъ, никогда непокидающихъ ее, и горе собакамъ, которая осмѣлится забрести въ чужую область. Я часто видалъ, какъ на такую несчастную бросались всѣ остальные и, если она не спасалась бѣгствомъ, то просто рвали ее на части. Насколько эти собаки спокойны днемъ, настолько-же онѣ опасны европейцамъ, которымъ ночью случилось заблудиться на улицахъ Стамбула... Почти на каждомъ шагу можно видѣть на улицѣ круглыя ямы, сдѣланныя въ грязи, и въ нихъ цѣлое семейство маленькихъ голодныхъ собакъ, выжидających той минуты, когда сдѣлаются настолько самостоятельными, что-бы, подобно своимъ предкамъ, дѣлать улицы столицы непріятными и небезопасными“.

Голова начинала кружиться отъ разнообразія впечатлѣній, шума и вони. „Пойдемъ-те, о. Г—онъ, домой, скоро солнце будетъ садиться, а вечеромъ Преосвященный приглашалъ собраться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы выработать маршрутъ осмотра города. „До дому недалеко, говорить о. Г., стоитъ только повернуть въ переулочъ налѣво и мы выйдемъ къ самому подворью, но лучше сдѣлаемъ небольшой крюкъ и обойдемъ эти переулки: нехорошіе они“. Эти переулки, какъ мы потомъ узнали, являются центромъ разврата, нашедшаго для себя надежный пріютъ въ Галатѣ; нѣкоторые изъ товарищей, рискнувшіе пройти по нимъ, едва не заплатились за свою смѣлость полами сюртуковъ и пальто. Дорогою къ дому о. Г. утѣшалъ насъ тѣмъ, что Константинополь имѣетъ такую фізіономію только въ интернаціональной части города: Галатѣ и Перѣ, а въ Стамбулѣ — турецкой части города — нравы нѣсколько иные. О. Евгеній встрѣтилъ насъ у входа въ подворье. „Пожалуйте, господа студенты, пожалуйте на верхъ, на крышу, тамъ Преосвященный и господа профессора пьютъ чай и васъ приглашаютъ туда“. По широкой каменной лѣстницѣ мы поднялись на крышу зданія; среди нея церковь подворья, вокругъ которой довольно широкая галлерей, огороженная рѣшеткою и заставленная цвѣтами. На одной сторонѣ галлерей былъ сервированъ чай. Съ трехъ сторонъ галлерей открывается широкій видъ на городъ и Мраморное море съ Принцевыми островами. Босфоръ нѣсколько загораживаетъ отъ Пантелеймоновскаго подворья еще болѣе высокое и грандіозное зданіе Андреевскаго подворья. Солнце уже сѣло и какъ это бываетъ только на югѣ, ночь моментально окутала городъ темнымъ густымъ покровомъ. Съ крыши Пантелеймоновскаго монастыря открылась волшебная панорама: городъ загорѣлся милліонами то вспыхивающихъ, то снова потухающихъ огней; за блестящею отъ многочисленныхъ пароходныхъ огней струею Золотаго Рога, по которому безъ устали снуютъ паракоды, вырисовываются на темномъ небѣ высокіе, стройные, уходящіе въ высь неба минареты турецкихъ мечетей. На плоскихъ крышахъ домовъ прогуливаются, наслаждаясь чудною теплою ночью, ихъ обитатели и обитательницы, черноглазья гречанки. Но очарованіе поэтически прекрасной ночи скоро разрушается начи-

нающимся кругомъ шабашемъ. Иначе нельзя назвать то, что происходитъ по вечерамъ, и даже по ночамъ, въ Галатѣ и, преимущественно, въ примыкающихъ къ подворью домахъ. Это восточныя кафе—шантаны. Едва - лишь ночь избавить окна этихъ домовъ отъ дневнаго свѣта, котораго они боятся, какъ жизнь здѣсь закипаетъ -ключемъ. Сюда спѣшать со всѣхъ сторонъ Константинопольскіе босяки, имя которымъ легионъ, и начинается содомъ. Завываніе скрипокъ, бречаніе барабановъ, нестройныя звуки смѣшанныхъ хоровъ: все-это сливается вмѣстѣ въ одинъ дисгармонирующий съ уснувшюю природою и тишиною ночи—аккордъ.

—О. Евгеній, что это такое у васъ тутъ дѣлается? „Охъ, искушеніе, охъ, искушеніе!, машеть рукою о. Евгеній. „Благословите еще чашечку налить,—и для монаховъ искушеніе, и богомольцы жалуются, что спать не даютъ, да ничего не подѣлаешь. Все по грѣхамъ нашимъ посылаетъ Господь искушенія эти, что-бы не забывали его милосерднаго, да больше Богу молились“.

Выработать маршрутъ осмотра достопримѣчательностей Константинополя въ пять дней, какими мы располагали до отхода слѣдующаго парахода „Нахимовъ“,—оказалось дѣломъ не легкимъ, но съ помощью о. Евгенія его всетаки удалось привести къ благополучному концу. При этомъ о. Евгеній всегда сумѣлъ поставить на своемъ. „Я Вамъ совѣтую, Ваше Преосвященство, посѣтить то-то въ такой-то день, такъ и запишите, иначе вы не успѣете сдѣлать по распisanію и все равно все выйдетъ по моему. Я, славу Богу, не мало времени прожилъ въ Царь-Градѣ и знаю здѣсь каждый клочекъ земли, какъ свои пять пальцевъ“. Въ концѣ концовъ рѣшили время пребыванія въ Константинополѣ распределить слѣдующимъ образомъ. Во вторникъ—осмотрѣть древніе христіанскіе храмы, обращенные въ мечети, начиная разумѣется съ Св. Софіи, и другія священныя мѣста и представиться Вселенскому патріарху—Константину V; въ среду—сѣздить на островъ Халки, гдѣ осмотрѣть греческую богословскую семинарію и посѣтить бывшаго Іерусалимскаго патріарха Никодима, хорошо извѣстнаго Россіи; въ четвергъ—осмотрѣть безестень, русскую школу при русской больницѣ и сѣздить по Босфору въ Буюкъ-дере, на дачу русскаго посла; въ пятницу—посмотрѣть торжественный выѣздъ

султана въ мечеть и богослуженіе вертящихся дервишей; въ субботу—турецкій музей; посѣщеніе археологическаго института и остальныхъ достопримѣчательностей города было отложено до обратнаго пути, когда пароходъ два дня стоитъ въ Константинополѣ. Было уже поздно, когда мы ушли по своимъ номерамъ, но уснуть удалось не сразу подъ своеобразную музыку и пѣніе разгулявшейся Галаты.

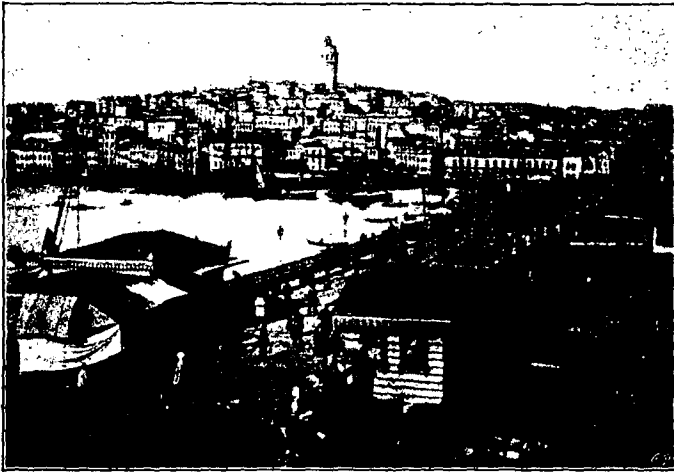
6 Іюня, Вторникъ. Въ Царь-градѣ.

День черезъ чуръ богатый впечатлѣніями. Проснулись рано, поднятые самыхъ разнообразныхъ тоновъ криками разносчиковъ. А о. Евгенийъ бѣгаетъ уже по номерамъ, приглашая кушать чай. „А что, о. Евгенийъ, сегодня ночью никого собаки около васъ не загрызли, не знаете?“—Не слышать, кажется все слава Богу, говоритъ О. Евгенийъ, а грызутся онѣ по ночамъ—это между собою, постоянно.

Чтобы успѣть выполнить намѣченный маршрутъ — осмотрѣть выдающіеся археологическіе памятники Византіи и представиться сегодня-же патриарху—необходимо пораньше начать выполненіе его, и притомъ не пѣшкомъ, а на извозчикахъ. Къ 9-ти часамъ всѣ были готовы; прибылъ къ этому времени и кавасъ, любезно присланный посломъ, для почетнаго сопровожденія и охраны нашей, если бы она понадобилась. Преосвященный вмѣстѣ съ профессорами и кавасомъ на козлахъ отправились въ фаяэтонѣ прямо съ подворья. А мы, по совѣту предусмотрительнаго и заботливаго о. Евгения, должны были сначала отправиться пѣшечкомъ, пройти минутъ 15—20, и за мостомъ черезъ Золотой Рогъ нанять извозчиковъ: „такъ оно выйдетъ значительно дешевле, наставлялъ добрый о. Евгенийъ, а то они,—искушеніе съ ними,—пользуются всякимъ случаемъ, чтобы залѣсть въ карманъ, а они у васъ должно быть не слишкомъ толсты. Да не слишкомъ долго пробавляйтесь, а то устанете, — кушать ничего, пожалуй, не сможете“. Поблагодаривъ о. Евгения за его заботы о нашихъ карманахъ и желудкахъ, мы, предводительствуемые о. Галактіономъ, отправились по грязной набережной Золотаго Рога, сплошь застроенной турецкими кофейнями. Впередѣ, отдѣленный Золотымъ Рогомъ, виднѣется Стамбуль съ своими большими

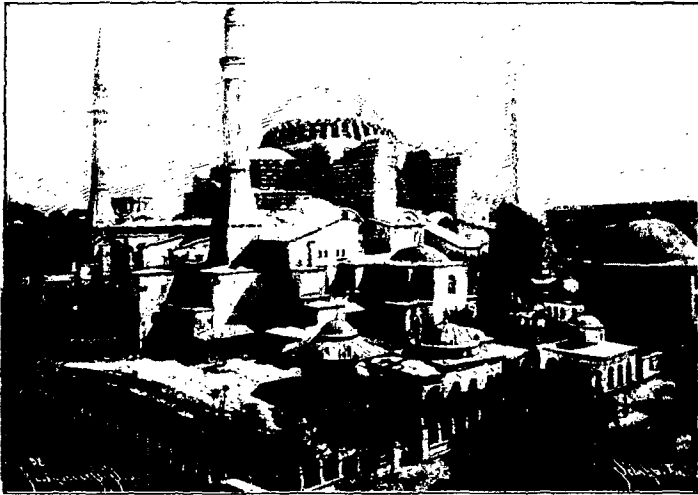
Видъ на Стамбуль.

Галатскій мостъ.

красивыми мечетями и дворцами, утопающими въ зелени кипарисовъ. На мосту невообразимая суматоха: его справедливо называютъ центромъ Константинополя, который въ свою очередь можно назвать громаднымъ мостомъ между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ, гдѣ временно сходятся всѣ національности. По нему въ день пройдетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, отправляющихся по ту и другую сторону Золотаго Рога и на пароходы, пристани которыхъ устроены съ лѣвой стороны моста. За проходъ по мосту два турка, одѣтые въ длинные балахоны, бѣгая изъ стороны въ сторону, собираютъ со всѣхъ проходящихъ по паричкѣ (2¹/₂ к.). Эти деньги идутъ, по словамъ однихъ, на кухню, а по словамъ другихъ на гаремъ султана, но ни въ какомъ случаѣ, какъ увѣряютъ третьи, не на починку моста, такъ какъ мостъ еле живъ и его, повидимому, еще никогда не чинили. Съ военныхъ всѣхъ національностей за проходъ по мосту не берутъ: не брали и съ насъ, принимая, вѣроятно, насъ за военныхъ, судя по нашимъ форменнымъ костюмамъ съ свѣтлыми пуговицами. За мостомъ мы сѣли въ прекрасныя парныя коляски, нанятыя для насъ о. Г-ономъ, и вереницею тронулись впередъ, обращая на себя вниманіе турокъ, кричавшихъ намъ вслѣдъ: „московъ таибъ, руссь карошъ“. А въ головахъ нашихъ въ это время роился цѣлый рядъ мыслей, которыми мы и дѣлились другъ съ другомъ, многострадальной судьбѣ „Новаго Рима“, какъ называлъ языческую Византію ея строитель, или вѣрнѣе, обновитель, Константинъ Великій, желавшій сдѣлать его столицею христіанскаго міра и, по преданію, ввѣрившій его покровительству и заступничеству Божіей Матери. Много сокровищъ древняго искусства было привезено сюда Константиномъ изъ всѣхъ городовъ древняго міра. Со времени Юстиніана городъ Константинополь дѣйствительно сдѣлался столицею христіанскаго Востока „оплотомъ православія“. Благоустроенные храмы возвышались на всѣхъ холмахъ Царь-града и ихъ позолоченные кресты отражались въ свѣтлыхъ водахъ Золотаго Рога. Владиміръ Святой породнилъ Царь-градъ съ Русью, уже давно завязавшей съ нимъ торговыя сношенія. Отсюда животворная струя христіанства облагодетельствовала варварскую Русь. Съ тѣхъ поръ Византія является для насъ настоящимъ духовнымъ отечествомъ. Припоминались и послѣ-

дующія внутреннія смуты, обезсилившія нѣкогда могучую Имперію до того, что въ началѣ 13-го вѣка (1204) ея легко завладѣли крестоносцы, уничтожившіе большинство ея старинныхъ памятниковъ. Припомнился и ужасный 1453 годъ. Уносились мыслию и къ будущему, къ извѣстному пророчеству о дальнѣйшей судьбѣ славной нѣкогда Византіи... Проѣхавъ черезъ площадь и нѣсколько узкихъ и грязныхъ переулковъ, мы скоро очутились, недалеко отъ берега Мраморнаго моря,

Внѣшній видъ Св. Софіи.

у Св. Софіи, про которую еще наши предки, посланные Св. Владиміромъ отыскивать лучшую вѣру и побывавшіе въ чудномъ храмѣ Юстиніана, говорили: „нѣсть-бо на земли такого вида, ни красоты таковья“. Какъ-то не вѣрилось, что мы стоимъ предъ этимъ единственнымъ въ мірѣ зданіемъ, съ исторіею построенія котораго связано столько полу-историческихъ легендарныхъ сказаній о многочисленныхъ чудесахъ, бывшихъ при созиданіи его, о несмѣтныхъ богатствахъ, истраченныхъ на него, о поразительной, по вѣрованію многихъ сверхъ-естественной (при помощи Ангела), скорости построенія такого грандіознаго храма ¹⁾ въ очень ко-

¹⁾ Длина его внутр. части: 34¹ саж., ширина 32 саж., діаметръ купола— почти 15 сажень; высота его (расстоянія отъ пола) 25 сажень слишкомъ.

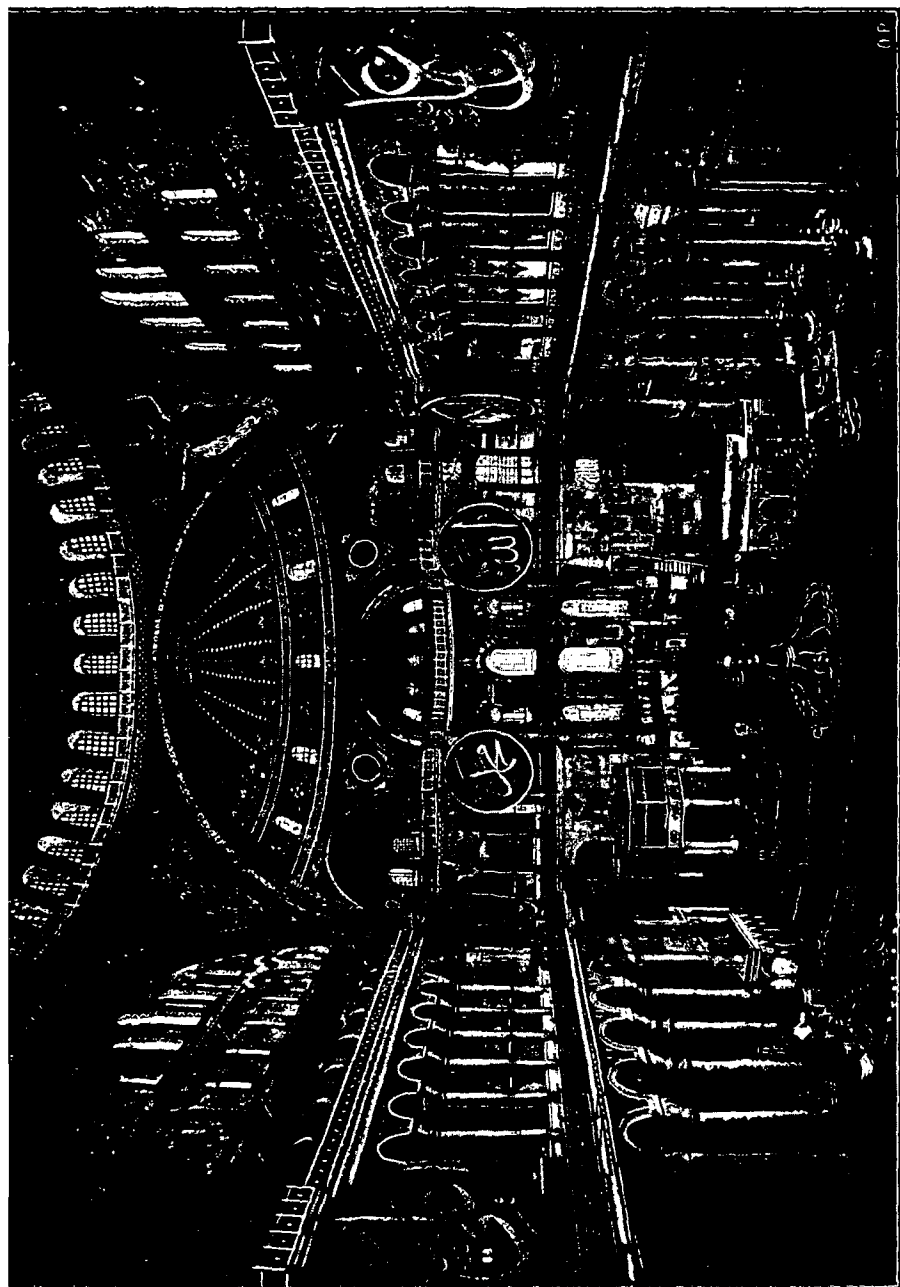
роткій срокъ, именно—въ 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней ¹⁾. Словомъ не вѣрилось, что это тотъ храмъ, при видѣ котораго, во время обряда освященія его, Юстиніанъ могъ воскликнуть: *Νετίχηά σε, Σολομών*,—въ знаменіе каковой побѣды онъ и поставилъ вблизи храма мѣдную статую Соломона, взирающаго съ удивленіемъ на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы смущеннаго отъ признанія превосходства этого храма предъ построеннымъ имъ Іерусалимскимъ. Такой „скепсисъ“ нашъ подтверждался и внѣшнимъ видомъ его, который, признаемся, не произвелъ на насъ особеннаго впечатлѣнія; и въ нашу душу невольно стало закрадываться опасеніе, что дѣйствительность помрачаетъ тотъ величавый образъ, который составилъ у насъ, по книжкамъ и лекціямъ, объ этомъ величайшемъ произведеніи византійскаго зодчества. Съ перваго взгляда Ая-Софія дѣйствительно не поражаетъ ни величіемъ, ни красотою. Это какъ будто громадная масса камней, похожая больше на причудливую гору, нагроможденную природой, чѣмъ на художественное зданіе—классическое созданіе знаменитыхъ зодчихъ: Исидора Милетскаго и Ананіа Тральскаго. Пристроенные къ нему турками со всѣхъ четырехъ сторонъ минареты и контрфорсы для поддержанія разрушающихся стѣнъ придаютъ этому перлу архитектурнаго искусства неуклюжій, громоздскій видъ. Но въ этой чудовищной грудѣ камней таится, говорятъ, прекрасный храмъ. Успокоенные этою мыслью, мы горѣли нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть внутренность Св. Софій. Между тѣмъ о. Г-онъ уплатилъ за каждаго изъ насъ (кажется по чиреку—40 коп.) и мы получили право войти въ мечеть. Надѣвъ бабуши, мы вслѣдъ за имамомъ по темной каменной лѣстницѣ пошли,—о чемъ много потомъ жалѣли,—прямо на хоры, вслѣдствіе чего первое впечатлѣніе отъ великаго храма было не въ его пользу. На лѣстницѣ, по которой нужно идти съ осторожностью, прохладно и сыро; получается впечатлѣніе заброшенности и неуютности, еще болѣе увеличивающееся, когдаходишь въ

¹⁾ Нѣкоторые наследователи думаютъ, что храмъ Св. Софій строился дольше.—Мы ссылаемся въ данномъ случаѣ на авторитетъ такого знатока визант. археологіи, какъ Н. Кондаковъ. См. его Византійскія церкви и памятники Константинополя, напечат. въ Трудахъ VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. 3. Одесса, 87 г. стр. 40.

широкіи корридоръ гинекея, который нашъ русскій паломникъ 12-го вѣка, архіепископъ Новгородскій Антоній, называлъ полатями (см. Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царь-градъ въ концѣ 12 вѣка. Изданіе Археологич. комиссіи. СІБ. 72 г. стр. 76). Здѣсь пусто, грязно и неуютно. Даже разстилающійся почти надъ нашими головами грандіозный куполь, опоясанный цѣпью оконъ, обильно льющихъ свѣтъ на средину мечети, не производитъ сильного впечатлѣнія; единственно, что поражаетъ зрителя съ хоръ—это необыкновенная величина и просторъ зданія, сравнить съ которымъ нельзя даже самые большіе храмы Россіи, какъ напримѣръ, Христа Спасителя въ Москвѣ или Исаакія въ Петербургѣ. Этотъ просторъ, обусловливаемый отсутствіемъ обычныхъ колоннъ, поддерживающихъ куполь и загромаждающихъ средину храма, увеличивается еще тѣмъ, что мечеть почти пуста. Нѣсколько сотъ желѣзныхъ круговъ съ лампадами, низко спускающихся на тонкой проволоцѣ съ вершины зданія и развѣшенные по стѣнамъ щиты, съ изящно написанными (разумѣется, по турецки) изреченіями корана, ни мало не нарушаютъ впечатлѣнія пустынности зданія, а разостланныя по всему полу чистыя мягкія цыновки, заглушающія шумъ шаговъ, даже увеличиваютъ его. Освоившись съ первымъ впечатлѣніемъ, мы обратили свои взоры и мысли на устройство единственнаго въ своемъ родѣ Софійскаго купола, который современникамъ „казался не на твердомъ зданіи покоюшемся, но на золотой цѣпи съ неба повѣшеннымъ“, а для ученыхъ нашего времени и до сихъ поръ является архитектурною загадкою. Самое строеніе его не было обычнымъ. Согласно преданію, для строенія купола кирпичи были сдѣланы въ Родосѣ изъ матеріала особаго рода, какъ думаетъ современная архитектура, изъ пемзы. Длина ихъ вѣсила не болѣе одного обыкновеннаго кирпича. На каждомъ кирпичѣ была надпись: „Господь, да поможетъ“. Кирпичи клали правильными рядами. Черезъ каждыя двѣнадцать рядовъ ставили на нихъ мощи, священники непрерывно возсылали молитвы о благополучномъ окончаніи грандіознаго предпріятія. И молитвы ихъ были услышаны: грандіозный куполь украсилъ храмъ и увѣнчалъ византійское строительное искусство. Этотъ центральный куполь (въ 15 сажень въ

поперечникъ и 7 въ вышину) имѣеть форму нѣсколько сплюснутаго полукруга, опоясаннаго цѣпью оконъ (40 шт.) и опирающагося на 8-мь другихъ пропорціонально меньшихъ полукруговъ, покоющихся въ свою очередь на двойномъ рядѣ мраморныхъ колоннъ, связанныхъ арками и симметрично расположенныхъ. Всѣхъ колоннъ 100: 40 внизу и 60 вверху. Хотя время и взяло свое, однако эти колонны, вывезенныя по приказанію Юстиніана, изъ знаменитѣйшихъ зданій Рима, Ефеса, Аѳинъ, Трон, Цикладъ, Мемфиса, Александріи, Геліополиса, Кизика, Делоса и другихъ мѣсть, до сихъ поръ поражаютъ своею легкостью, красотою и изяществомъ, вполне гармонируя съ красотою и воздушностью перекинутаго черезъ нихъ сферическаго небоподобнаго купола. Вверху очень немногое напоминаетъ, не говоримъ—о древнемъ благолѣпіи, а даже о томъ, что здѣсь нѣкогда былъ христіанскій храмъ. Мозаичныя христіанскія изображенія уничтожены временемъ, или замазаны турками. Потолки боковыхъ куполовъ вызолочены и разрисованы какими-то фигурами и цвѣтами; но позолота сдѣлана такъ небрежно, что сквозь нея часто просвѣчиваютъ христіанскія мозаики. Въ переднемъ алтарномъ полукуполѣ можно разсмотрѣть проглядывающее изъ-за краски изображеніе молящейся Богоматери съ поднятыми къверху руками и строгимъ, грустнымъ лицомъ, словно скорбящей о поруганіи храма, посвященнаго ея предвѣчному Сыну—Божіей Премудрости и Божію Слово. Другія мозаики сохранились еще менѣе. Надъ столбами, поддерживающими полукуполы, можно разсмотрѣть остатки мозаичныхъ изображеній шестикрылыхъ серафимовъ, лица которыхъ закрыты. Съ трудомъ можно найти остатки и нѣсколькихъ другихъ мозаичныхъ изображеній. И мы долго ходили, осматривая каждую стѣну и каждую колонну. Когда проходили по южной сторонѣ хоръ, монахъ разсказалъ извѣстную легенду о томъ, какъ здѣсь въ стѣнѣ чудеснымъ образомъ скрылся священникъ, совершавшій богослуженіе въ то время, когда турки, взявшіе Константинополь, ворвались въ Святую Софію и избивали христіанъ. Согласно легендѣ, стѣна разступится и священникъ оживетъ, когда Константинополь снова будетъ православнымъ городомъ. По поводу этого разсказа неволью рождается въ головѣ мысль: оживетъ-ли когда-нибудь служитель Божій?... Много времени

можно-бы было провести съ интересомъ на хорахъ Св. Софiи, но вѣсмъ хотѣлось скорѣе спуститься внизъ, откуда сразу видно все зданiе; поэтому мы снова вышли по лѣстницѣ наружу и другими дверями вошли въ мечеть, пройдя чрезъ атриумъ и темный нартексъ. Вошли и остановились, невольно поднимая глаза къ верху, къ раскинувшемуся надъ нашими головами полусферическому куполу, уходящему въ далекую высь, который отсюда, снизу, производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣнiе, чѣмъ съ хоръ. Это не куполь—это само небо, опустившееся надъ громадною площадью храма. Площадь храма двумя рядами громадныхъ колоннъ, расположенныхъ симметрически и на равныхъ другъ отъ друга разстоянiяхъ, дѣлится на три корабля, изъ которыхъ среднiй большой, а два боковые—болѣе низкие. Эти колонны связаны арками, на которыхъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающiя своды другими рядами величественныхъ арокъ. Эта сквозная сѣть колоннадъ, наполняющихъ храмъ, придаетъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. Описанiя, хотя бы и самыя подробныя, и рисунки Св. Софiи, хотя бы и прекрасныя, отнюдь не могутъ замѣнить непосредственнаго созерцанiя ея. Въ нѣмомъ созерцанiи открывшагося величественнаго зрѣлища, мы простояли нѣсколько времени, объятые невольнымъ чувствомъ изумленiя, благоговѣнiя и пораженныя необыкновеннымъ величiемъ и красотою храма. Лишь воспоминанiя толпой неслись въ головѣ. Припомнилось что еще до Юстинiана въ Константинополѣ былъ храмъ во имя Премудрости Божiей (Софiи), построенный Константиномъ Великимъ. Но храмъ этотъ существовалъ очень не долго: былъ-ли онъ слишкомъ малъ, или его разрушило землетрясенiе, только сынъ Константина, Констанцій, долженъ былъ построить его вновь. Послѣ многихъ перестроекъ этого храма при преемникахъ Константина, императоръ Юстинiанъ, въ началѣ VI вѣка, рѣшилъ воздвигнуть храмъ, способный противустоять и землетрясенiямъ, часто случавшимся въ Константинополѣ, и пожарамъ, нерѣдко опустошавшимъ столицу, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть достойнымъ монументомъ его царствованiя. Словомъ, Юстинiанъ желалъ, чтобы это былъ самый прочный, самый великолѣпный соборъ на земномъ шарѣ, — чего онъ вполне и достигъ... А сколько съ тѣхъ поръ, за слишкомъ тысячелѣтнее существо-

Внутренний видъ Св. Софiи.

ваніе храма, подъ его сводами совершилось историческихъ событій, имѣвшихъ значеніе и не для одной только Византіи! Въ немъ происходили постоянно коронаванія императоровъ и даже соборы; здѣсь (въ прежнемъ храмѣ) произносили свои вдохновенныя проповѣди Іоаннъ Златоустъ. Здѣсь молилась наша русская княгиня Ольга. Несомнѣнно и онъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбы христіанства въ Россіи, очаровавъ, согласно преданію, пословъ Св. князя Владиміра. Дѣйствительно, если сейчасъ опустошенная мечеть производитъ чарующее впечатлѣніе на зрителя, то какое-же впечатлѣніе должны были получить наши русскіе послы, видѣвшіе Св. Софію въ золотой вѣкъ ея существованія? Въ то время, т. е. до разоренія Софіи крестоносцами (по свидѣтельству паломника 12 вѣка Новгор. архіепископа Антонія, оставившаго лучшее описаніе ея, и другихъ) она блистала роскошью. Алтарь отдѣлялся отъ остального храмоваго пространства серебряно-вызолоченной перегородкой, укрѣпленной на 12-ти такихъ-же столбахъ, на которыхъ помѣщались иконы. Престоль былъ сооруженъ изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней и съ украшеніями изъ эмали. Находившееся здѣсь кресло патріарха было сдѣлано изъ драгоценнаго рѣзного дерева съ перламутровыми инкрустаціями, а сѣдалища для епископовъ и духовенства были украшены рѣзбой и перламутромъ. Надъ престоломъ была устроена пирамидальная сѣнь (киворіи), утвержденная на 4-хъ огромныхъ серебряныхъ и вызолоченныхъ столбахъ, эмалированныхъ и съ чеканкою превосходной работы. Съ четырехъ столбовъ киворія четыре парчевыхъ завѣсы съ вытканными на нихъ иконами отдергивались во время богослуженія. Надъ киворіемъ сіялъ крестъ изъ чистаго золота, вѣсомъ въ 75 фунтовъ, утвержденный на яблокѣ также изъ чистаго золота. Посреди храма, прямо противъ св. вратъ, находился „амвонъ“, возвышенное мѣсто въ видѣ башни, съ колоннами и позлащеннымъ на нихъ куполомъ, украшеннымъ жемчугами и драгоценными камнями. Другіе 360 престоловъ храма ¹⁾ были

1) Подъ престолами иные разумѣютъ двери. Въ „Сказаніи о Св. Софіи“ замѣчено, что при Юстиніанѣ „были всему числу церковныхъ двери 365“, въ другихъ редакціяхъ говорится о 365 предѣлахъ „еже на всякъ день святымъ“. Анонимъ XIV в. говоритъ о 84 престолахъ, о 72 дверяхъ, но

окованы серебромъ и золотомъ и покрыты драгоценными камнями; ея многочисленныя двери были вылиты изъ позолоченой мѣди и бронзы. Стѣны были покрыты драгоценнымъ мраморомъ: порфиритомъ и офитомъ, капители и карнизы вызолочены, своды расписаны, куполь покрытъ вызолоченою мозаикою; полъ храма былъ устланъ разноцвѣтнымъ мраморомъ. Если ко всему этому прибавить торжественность богослуженія (при Юстинианѣ клириковъ, пресвитеровъ, диаконовъ, чтецовъ и пр. было 1000 человекъ; при Иракліѣ — 600), то становятся вполне понятными слова Владимировыхъ пословъ: „и не свѣмы, на небѣ-ли были есьмы“. Теперь нѣтъ и подобія былого великолѣпія. Алтарь уничтоженъ. Въ углубленіи бывшаго алтаря стоитъ каѳедра съ аль-кораномъ. Направо отъ него старый коверъ, на который, по преданію, Магометъ становился на колѣна для молитвы. На мѣстѣ бывшаго патриаршаго трона—тронъ Калифа,—возвышенное, закрытое рѣшеткою мѣсто. Къ юго-восточному столбу, поддерживающему алтарный сводъ, прислонена курси (каѳедра), съ которой кѣтибы (священники) произносятся поученія. На стѣнахъ щиты. Единственно, что сохранилось отъ былого великолѣпія и можетъ быть дороже всего погибшаго золота—это открываемыя на стѣнахъ храма мозаики. Мы долго разсматривали и любовались лучше другихъ сохранившеюся мозаикою надъ дверью внутренняго нартекса, гдѣ изображенъ Спаситель на тронѣ съ колѣнопреклоненнымъ предъ нимъ императоромъ (по мнѣнію Н. Кондакова—Львомъ Философомъ), а по бокамъ Его, въ двухъ медальонахъ, Божія Матерь и Архангелъ Михаилъ. Спаситель изображенъ съ продолговатымъ лицомъ, короткою бородою и круглыми глазами. Проф. Кондаковъ относитъ эту мозаику къ началу X-го вѣка. Впрочемъ, мозаики можно рассмотреть только съ трудомъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ громаднаго зданія помѣстились медресе—духовныя школы. Учитель и ученики сидѣли по восточному, поджавъ подъ себя ноги. Въ рукахъ у всѣхъ были книги; у учителя, кромѣ того, очень внушительная „указка“. Учитель, среднихъ лѣтъ, съ воодушевленіемъ объяснялъ имъ коранъ, какъ мы узнали отъ товарища араба.

о 362 столпахъ Св. Софіи. Прав. Пал. СБ. Введеніе къ „Книгѣ Паломникъ Антонія арх. Новгородскаго“, стр. XLIII. СПБ. 1899 г.

Ученики, юноши разныхъ возрастовъ, слушали его съ особеннымъ вниманіемъ. Но мы своимъ безцеремоннымъ разглядываніемъ отвлекали нѣсколько вниманіе ихъ. По другую сторону подобнымъ же образомъ назидаль почтенный старецъ уже довольно пожилыхъ турокъ. Эти не удостоили насъ никакимъ вниманіемъ, всецѣло погруженные въ свои занятія. Преосвященный, обративъ наше вниманіе на примѣрное (и для насъ) усердіе этихъ учениковъ въ изученіи корана, указаль на цѣлесообразный способъ подготовки будущихъ имамовъ, духовныхъ лицъ, именно въ мечетяхъ.—(Смотрѣвъ боковые нефы, нартексы, баптистерій, сохранившіяся отъ древности колонны и рѣзныя двери, сдѣланныя изъ коринѳскаго металла, выслушавъ обычный рассказъ—легенду о томъ, какъ завоеватель Царь-града Магометъ второй, вѣхавъ верхомъ по трупамъ убитыхъ христіанъ, ударилъ окровавленную рукой мечемъ по одной изъ колоннъ храма, оставивъ на ней слѣдъ довольно высоко отъ пола, мы съ скорбнымъ чувствомъ ушли изъ опустошенной, заброшенной, но все еще грандіозной Св. Софій, рѣшивъ посѣтить ее еще разъ на обратномъ пути.

(Продолженіе слѣдуетъ).
